ЧЕРНОВИКИ КОНЦА СВЕТА

фантастический триллер

ZLOSOSIS

ZLO SOSIS
Черновики конца света

https://litres.ru/74835103
SelfPub; 2026

Аннотация

В службе, о которой здесь рассказано, два правила. Если на вызове ребёнок — едут с мигалкой. Если ребёнок знает твоё имя до знакомства — не выходят из машины.

Эта книга начинается в ту ночь, когда оба правила оказались правдой. Ластов не просит веры. Он просит подпись.

Фантастический триллер о городе, который правит людей как черновик, и о тех, кого не оказалось в реестре.

Содержание

От автора	4
Глава первая	5
Глава вторая	39
Глава третья	78
Глава четвёртая	120
Глава пятая	164
Конец ознакомительного фрагмента.	206

Черновики конца света

Ян, если меня сотрут, сначала разозлись. Бояться будешь потом.
из синей тетради

От автора

В службе, о которой здесь рассказано, хватало правил. Одно звучало так: если на вызове ребёнок — едут с мигалкой. Другое: если ребёнок знает твоё имя раньше, чем ты успел назваться, из машины не выходят.

Эта книга начинается в ту ночь, когда оба правила оказались правдой.

Ластов не просит веры. Он просит подпись. Он умеет называть согласием молчание, ценой — чужую память, а человеком — только того, кто уместился в бланк. Читайте его так, как читают чужой черновик: не спешите соглашаться с абзацем только потому, что он уже напечатан.

Если страница потребует вашего имени — не отдавайте его сразу.

Сначала разозлитесь.

ZLOSOSIS

Глава первая
Адрес, которого нет

В нашей службе существовало два правила.

Первое: если на вызове ребёнок, мы едем с мигалкой.

Второе: если ребёнок знает твоё имя до знакомства, мы не выходим из машины.

В два часа семнадцать минут ночи правила впервые противоречили друг другу.

— Ян, — сказала девочка из окна восьмого этажа. — Только не умирай опять.

Глеб Сухов, сидевший за рулём, выключил двигатель.

Я посмотрел на него. Он посмотрел на меня. За двадцать три года работы Глеб научился выражать лицом всё, что обычно произносится матерными предложениями, и сейчас его лицо было целым романом.

— Сколько ей? — спросил он.

— Лет девять.

— Я не про возраст. Сколько раз она тебя звала?

— Один.

— Значит, ещё можем сделать вид, что не расслышали.

Девочка ударила ладонью по стеклу. На запотевшем окне остался след — не детская ладонь, а длинный отпечаток с шестью пальцами.

— Два, — сказал я.

Мы одновременно расстегнули ремни.

Чуть больше получаса до этого я был абсолютно уверен, что худшее событие ночи — штраф за неоплаченную парковку. Впрочем, с моей зарплатой штраф вполне мог считаться попыткой убийства.

. . .

МУП «Городская целостность» занимало подвал здания бывшего дворца бракосочетаний. Здание разваливалось столь основательно, что название нашего предприятия воспринималось как издевательство.

Сверху заключали браки. Снизу мы ликвидировали то, что не должно было существовать.

Официально — аварийные несоответствия городских объектов. Неофициально — когда у женщины в прихожей появлялась лишняя дверь, когда лестница приводила не на тот этаж или когда автобус возвращался на остановку с пассажирами, умершими двадцать лет назад, звонили нам.

Обычно о нас никто не знал. Лучший способ сохранить тайну — оформить её в муниципальный бюджет. Никто добровольно не станет читать муниципальный бюджет.

Я работал здесь третий год. Не из героизма. В городе Ластове было трудно найти другое место, где за ночные смены платили достаточно, чтобы содержать мать и снимать од-

нушку с видом на мусорный контейнер. Контейнер, кстати, был единственным соседом, который регулярно меня радовал: его хотя бы вывозили.

В час сорок три я чинил электрический чайник. Он не включался с прошлой пятницы. Я разобрал его, обнаружил внутри проржавевшую пружину и попытался согнуть контакты. Третьей руки не хватало; пришлось придерживать крышку подбородком.

— Ты удивительно талантлив в выборе опасных занятий, — сказала Рада из диспетчерской.

Она сидела за бронированным окошком, ноги в тяжёлых ботинках положила на стопку архивных коробок. В темноте подсветка мониторов делала её лицо похожим на фотографию человека, на которого заведено слишком много дел. Короткие чёрные волосы, серебристое кольцо в ухе и родинка над левой бровью — три вещи, которые я замечал всякий раз, когда старательно делал вид, что не замечаю её вообще.

— Чайник хотя бы сообщает, когда хочет меня убить, — ответил я.

— Он сообщает об этом три года подряд. Ты слишком оптимистичен.

— Это не оптимизм. Это отношения.

Рада не улыбнулась. У неё был редкий талант: отпускать шутки так, будто она зачитывает обвинительное заключение, и принимать чужие с видом судьи, у которого вот-вот закончатся терпение и патроны.

В этот момент мой телефон завибрировал.

Экран был чёрным. На нём не горело ничего, кроме строки: «МИЛА».

Я выронил пружину.

За четыре года после исчезновения сестры её имя ни разу не появлялось на телефоне. Я сам удалил номер — потому что сколько можно звонить человеку, которого мир настойчиво считает несуществующим?

Номер исчез из записной книжки. Фотографии исчезли из облака. На семейном снимке со школьного выпускного между мной и матерью осталось пустое место, в которое теперь очень удобно помещался комнатный фикус.

Мама уверяла, что у неё всегда был один ребёнок.

У меня же осталась синяя тетрадь в клетку. На первой странице кривыми буквами было написано: «Ян, если меня сотрут, сначала разозлись. Бояться будешь потом».

Мила любила давать советы. В основном ужасные.

Я ответил на звонок.

— Мила?

Тишина. Потом негромкий хруст, будто кто-то раздавил под подошвой стекло.

— Ян, — прошептал женский голос. — Не соглашайся на первую правку.

Сердце ударило так, что я почувствовал его в горле.

— Где ты?

— Они уже нашли адрес.

— Какой адрес? Мила, скажи, где ты!

— Если увидишь ребёнка…

Связь оборвалась.

Я застыл с телефоном у уха. На экране теперь стояло: «НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР». А через секунду журнал вызовов обновился, и записи не стало.

Рада наблюдала за мной сквозь стекло.

— Ян?

— У меня сейчас был звонок.

— В подвале нет сети.

— Мне позвонила сестра.

Рада опустила ноги с коробок.

Она единственная на работе знала про Милу. Остальные реагировали на эту историю одинаково: жалостливым молчанием, просьбой выспаться и советом обратиться к врачу. Рада не давала советов. Однажды она попросила показать тетрадь, посмотрела первую страницу и сказала: «Никому её не отдавай». В её тоне было достаточно, чтобы я послушался.

— Что сказала? — спросила она.

— Не соглашаться на первую правку.

Рада перестала двигаться.

Затем слишком спокойно уточнила:

— Ты уверен в слове «правка»?

— Я вообще ни в чём не уверен. Я пять минут назад пытался завести чайник с помощью отвёртки. На моё мнение лучше не полагаться.

В коридоре заскрежетал звонок тревоги.

Не электронный сигнал — настоящий латунный колокол, подвешенный к потолку над журналом вызовов. Его установили ещё до моего появления. За три года он звонил один раз: когда в городском архиве обнаружили фотографию будущего мэра, сделанную через сорок лет после его смерти.

Теперь колокол ударил трижды.

Рада бросилась к монитору.

На экране возникла карта Ластова. Западные кварталы мигнули жёлтым, затем серым. Вдоль набережной проступила улица, которой там быть не могло.

«УЛ. СЕМИ КОЛОКОЛОВ, Д. 18».

— Такой улицы нет, — сказал я.

— Теперь есть, — ответила Рада.

Она вырвала из принтера лист. Тот оказался пустым. Рада перевернула его. На обратной стороне медленно проступали буквы, словно бумагу писали с другой стороны мира.

ОБЪЕКТ: ЖИЛОЙ ДОМ.

СТАТУС: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОШИБОЧНОГО ФРАГМЕНТА.

СРОК СВЕРКИ: 02:47.

УЧАСТНИКОВ ВНУТРИ: 1.

ПРИМЕЧАНИЕ: НЕ НАЗЫВАТЬ СВОЕГО ИМЕНИ.

— У нас пятьдесят девять минут, — сказала Рада.

— До чего?

— До того, как бумага перестанет различать людей и му-

сор.

Она встретилась со мной глазами. Впервые за три года я увидел, что Рада боится.

— Едут Ян и Глеб. И слушай внимательно: если в окне будет ребёнок, не верь ему, пока не увидишь его тень.

— Отлично. Отдел защиты детей уже прислал методичку.

— Я не шучу.

— Это делает нас двоих.

Рада схватила мою руку прежде, чем я успел выйти.

— И ещё. Когда начнётся сверка, что бы ты ни услышал, не называй своё имя вслух.

— Откуда ты знаешь, что она начнётся?

Взгляд Рады метнулся к часам.

— Потому что однажды я уже опоздала.

. . .

Глеб дожидался в фургоне, ел холодную котлету и читал квитанцию за электричество. Мужчине было пятьдесят два, но выглядел он как человек, которому после сорока прекратили обновлять жизненные настройки. На правой щеке белел рубец; на рабочей куртке красовалась нашивка «МЫ ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ ВСЁ БЫЛО КАК ПРЕЖДЕ».

— Плохой вызов? — спросил он, когда я запрыгнул рядом.

— Объект без адреса, ребёнок внутри, неизвестная сверка

в два семнадцать.

— Значит, плохой.

— Спасибо, я проверял.

Глеб завёл двигатель, не допуская дальнейших разговоров. На приборной панели лежала потёртая фотография: он, женщина и мальчик лет пяти на летнем пляже. На лице мальчика кто-то аккуратно чёрными чернилами закрасил глаза.

Я однажды спросил, почему. Глеб ответил, что мальчик любил портить снимки. И больше мы к этому вопросу не возвращались.

Ехали мы вдоль реки. Ластов ночью был особенно красив: мокрый асфальт отражал фонари, мосты стояли в тумане, за стёклами круглосуточных пекарен светились горячие булки. Город, способный выглядеть настолько мирно, просто обязан был что-то скрывать.

На повороте к старому порту навигатор объявил:

«Через сто метров поверните налево».

Мы повернули. По обе стороны дороги вместо складов возникли старые дома с декоративными балконами. На первом этаже одного светилась вывеска «АПТЕКА № 9». Её буквы были перевёрнуты справа налево.

— А раньше здесь была стоянка, — сказал я.

— И останется, если повезёт.

Навигатор вздохнул человеческим голосом:

«Маршрут перестроен. Вы прибыли не туда».

Потом добавил:

«Лучше бы вы не приезжали».

Глеб вытащил устройство из держателя и сунул в бардачок.

— Вот почему я бумажные карты предпочитаю.

— Бумажная тоже может ругаться?

— Только если я за рулём.

Через минуту мы увидели дом номер восемнадцать.

Он стоял между двумя кирпичными зданиями, хотя на карте между ними был пустырь. Девятиэтажка без единого балкона. Стены влажные, окна узкие, как бойницы, над подъездом железная цифра 18. В каждом окне горел свет одного цвета — больничного, слишком белого.

Перед домом никого не было. Дождь шёл, но капли падали почему-то строго вертикально, не обращая внимания на ветер с реки. На остановке стоял автобус без водителя. Пассажиры внутри сидели неподвижно, прислонившись друг к другу.

Я уже собирался сказать, что здесь что-то не так, когда заметил девочку.

Она стояла у окна восьмого этажа в жёлтом свитере, прижимая к стеклу лист бумаги.

На нём было написано:

НЕ ГОВОРИ ИМЯ.

Я открыл рот, чтобы спросить Глеба, видит ли он то же самое.

Девочка перевернула лист.

ЯН. ТОЛЬКО НЕ УМИРАЙ ОПЯТЬ.

И именно тогда Глеб заглушил мотор.

. . .

— Вызов явно адресован лично тебе, — сказал он.

— Не знал, что муниципальные услуги стали такими персонализированными.

Глеб взял с заднего сиденья две вещи: тяжёлый болторез и старый механический фотоаппарат. Мне протянул оранжевую катушку с леской.

— Не рви. Привяжешь к перилам у входа, потом пойдёшь за мной. Если дома нет — не уверен, что выход там, где мы его оставим.

— Сколько метров?

— Шестьдесят.

— А если до квартиры больше?

— Значит, один из нас останется без нитки.

Звучало обнадёживающе ровно настолько, насколько обнадёживает гроб с гарантией.

Мы подошли к подъезду. На двери висела табличка: «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД». Под ней мелко: «НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ В СЛУЧАЕ ЖИЗНИ».

— Это законно? — спросил я.

— С нашими городскими службами давно никто не спорит о законности.

Глеб привязал леску. Дверь открылась без скрипа.

Внутри пахло мокрой бумагой и прогретым железом. На стене висели почтовые ящики; на каждом вместо номера была фамилия. Я машинально прочёл первую:

«ГРАЧ».

Ниже — вторую.

«ГРАЧ».

И третью.

«ГРАЧ».

Всего было двести сорок ящиков, и на каждом стояла моя фамилия.

У меня внезапно пересохло во рту.

— Глеб…

Он прижал палец к губам.

Не называть своего имени.

На лестничной клетке под ногами хрустело то, что сперва показалось песком. Я присел: тонкие, обгоревшие кусочки фотографий. На одном виднелась половина знакомой улыбки. Я потянулся, но Глеб схватил меня за запястье.

— Не подбирай чужие воспоминания.

Тут я понял, что стекло его очков покрылось испариной, хотя в подъезде было холодно.

Мы поднялись на второй этаж. Потом на третий. Потом снова на третий.

Табличка с номером была той же, с маленьким пятном ржавчины у винта. Глеб не удивился. Он вынул из кармана мел и поставил на ступеньке крестик.

Мы пошли выше.

Третий этаж встретил нас крестиком.

— Пространственная петля? — шёпотом спросил я.

Глеб покачал головой.

— Петля возвращает тебя в ту же точку. Это дом вспоми-

нает, как устроены лестницы. И всё время ошибается.

— Может, напомним ему учебник архитектуры?

— Может, ты прекратишь болтать?

Он посмотрел на катушку. Леска уходила вниз по лестнице и натянулась так сильно, что её края начали белеть.

За спиной тихо щёлкнул выключатель.

Я повернулся.

На площадке третьего этажа стоял мальчик в школьной форме, с мокрыми волосами, в ботинках на босу ногу. Мы не слышали, как он появился. Он смотрел на нас не моргая.

— Дяденьки, — сказал мальчик, — вы не видели мою маму?

Глеб медленно поднял фотоаппарат. Щёлкнул затвор.

В видоискателе я увидел то, чего не видел глазами: вместо мальчика в кадре стояла белая фигура со слишком длинными руками. Её лицо было гладким, как незаполненный бланк.

— Не отвечай, — прошептал Глеб.

— А если он настоящий?

— Тогда ему сильно не повезло с соседями.

Мальчик улыбнулся. Улыбка растянулась почти до ушей, но губы при этом не шевельнулись.

— Вы всё равно скажете, — произнёс он. — Здесь все рано или поздно называют себя.

Глеб щёлкнул фотоаппаратом ещё раз.

Фигура исчезла.

На её месте осыпались на пол тонкие белые полоски, похожие на отрезанную бумагу.

— Фотография с магической вспышкой? — спросил я.

— Нет. Просто некоторые вещи не переносят, когда на них смотрят честно.

Он вынул снимок, открыл заднюю крышку аппарата и быстро стёр с плёнки что-то тёмное. От сухой тряпки повалил дым.

— Идём. У нас осталось одиннадцать минут.

В следующий момент леска за моей спиной лопнула.

По дому прошёл низкий звон. Словно в подвале ударили по огромному пустому бокалу.

Лампы погасли. Из темноты донёсся хриплый детский голос:

— Четвёртая попытка. На этот раз без ошибок.

. . .

Мы побежали.

Лестничные пролёты сменяли друг друга так быстро, будто кто-то листал книгу. На пятом этаже я увидел женщину, державшую за руку куклу. На шестом — мужчину в свадебном костюме с зонтом, раскрытым внутри квартиры. На седьмом — открытую дверь с нашей диспетчерской за ней. За бронированным окошком сидела Рада, но у неё не было лица.

— Не смотри в двери! — крикнул Глеб.

Я уже не смотрел.

Потому что услышал смех Милы.

Она смеялась из-за двери номер семьдесят шесть, тонко, с тем смешным подвыванием в конце, которое я не слышал четыре года и которого до этой ночи боялся забыть больше всего на свете.

— Я-ян, — протянула она. — Ты опять опоздал на день рождения.

Ноги сами остановились.

Наша последняя ссора началась именно так. Я задержался на работе, не купил подарок. Мила сказала, что у меня всегда найдётся дело важнее неё. Я ответил что-то глупое, громкое, взрослое. Позже пытался вспомнить точные слова — и никак не мог. Только хлопок двери.

— Ян, — повторил голос. — Открой. Я же дома.

Глеб толкнул меня в плечо. Я отшатнулся и наступил на край ступеньки.

Снизу что-то зашелестело. Не шаги — звук страниц, которые переворачивает огромная рука.

Из-под лестницы вытянулись белые пальцы.

В отличие от мальчика, у этого существа не было необходимости маскироваться. Оно поднималось по вертикальной стене, выгибаясь в местах, где у человека были бы суставы. Белая кожа складывалась чистыми углами. На затылке виднелась чёрная печать: круглое «НЕ УЧТЕНО».

Корректор.

О них не писали в наших инструкциях. Их рисовали на полях отчётов люди, которые после вызова увольнялись, исчезали или начинали утверждать, что никогда не работали в «Городской целостности».

— Беги к восьмому! — бросил Глеб.

— А ты?

— Я постараюсь быть немногословным.

Он вынул из внутреннего кармана тонкую металлическую пластину и приложил к ступеньке. Раздалось резкое шипение. Пространство между нами и Корректором растянулось, будто резиновая лента: лестница стала длинной на добрых двадцать метров.

— Отличная штука, — выдохнул я.

— Дорогая, — ответил Глеб. — Один раз работает.

Корректор не замедлился. Он просто сложился пополам — а потом ещё пополам — и оказался посередине растянутого пролёта.

— Очень дорогая, — поправился Глеб.

Восьмой этаж выглядел почти нормально. Коридор, зелёные стены, шесть дверей. Из-под последней пробивалась полоска света. За ней стучали: три коротких удара, пауза, ещё один.

Я рванул ручку.

Заперто.

С обратной стороны послышалось:

— Отойди от двери. Ты мне руку сломаешь.

Голос был девчоночий, сердитый. Настолько живой, что на секунду я перестал бояться.

— Умное замечание, — сказал я. — В ситуации, когда тебя собирается съесть межведомственный документ, особенно ценное.

— Меня не собираются есть. Меня собираются исправить.

Щёлкнул замок.

Дверь приоткрылась на ладонь. В щели показалось маленькое лицо с россыпью веснушек. Девочка из окна. Лет девять, жёлтый свитер, босые ноги. Тень от неё падала на пол — правильная, человеческая, с пятью пальцами на каждой руке.

— Я Лика, — сказала она. — Вы слишком долго.

— Если ты ещё и отзыв на нас напишешь, премии лишат окончательно.

Она не улыбнулась.

— Тот человек с белыми руками уже здесь?

Сзади скрипнула металлическая пластина. Вытянутая лестница начала складываться обратно.

— Скоро, — сказал я.

Лика посмотрела через моё плечо и резко побледнела.

— Он надел твоё лицо.

Я обернулся.

Корректор действительно стоял в конце коридора. Он был одет в мою оранжевую куртку. У него были мои волосы, моя

разбитая бровь, шрам от детского падения над правой губой.

Только улыбался он так, как я никогда не улыбался.

— Объект обнаружен, — произнёс он моим голосом. — Ошибочная запись подлежит удалению.

Глеб вскинул фотоаппарат.

Корректор поднял палец. Камера рассыпалась на части, прежде чем затвор щёлкнул.

— Отходи! — крикнул Глеб.

Он ударил болторезом по трубе отопления. Металл лопнул, коридор заполнился кипятком. Я отскочил, закрывая Лику собой.

Вода попала на Корректора.

Под белой кожей проступили строки чёрного текста. Они бежали по лицу и рукам, переписываясь каждую секунду. Я успел прочесть одно слово — «ЗАМЕНИТЬ».

Существо взвыло, и часть его пальцев растворилась в паре.

— Вода! — выкрикнул я. — Его можно…

Корректор выпрямился.

— Грач Ян, — отчётливо произнёс он.

Я почувствовал, как что-то внутри груди вздрогнуло, словно там дёрнули привязанную нитку.

Из кармана выпал пропуск. Буквы на нём расползлись. Фотография стала серым пятном.

— Он назвал меня, — сказал я.

Глеб побледнел.

— Нельзя было отвечать.

— Я не ответил!

— Ты услышал.

Корректор повторил моё имя. На этот раз треснуло зеркало на стене. В его осколках отражался коридор, Глеб, Лика и пустое место там, где стоял я.

Лика вцепилась мне в руку.

— Не слушай его. Он пытается доказать городу, что ты неправильно написан.

— А можно подать апелляцию?

— Можно умереть до рассмотрения, — сказала она.

Я хотел спросить, почему девятилетняя девочка говорит, как наш юрист, но в этот момент Корректор прыгнул.

. . .

Удар пришёлся по стене. Штукатурка разлетелась, край моей куртки остался в пальцах чудовища. Я толкнул Лику обратно в квартиру и метнулся к пожарному шкафу напротив лифта. Внутри должен был быть рукав. Я успел заметить за стеклом красный металлический круг, когда чья-то холодная ладонь сомкнулась на моём плече.

Пол ушёл из-под ног.

Меня развернуло, швырнуло в потолок и вдавило в стену. Боль взорвалась под рёбрами. Я не мог вдохнуть. Перед глазами закачались чёрные пятна.

Глеб ударил Корректора болторезом. Тот поймал инструмент голой рукой, сжал и выдернул. Глеб упал на одно колено.

— Забирай ребёнка! — прохрипел он.

Я потянулся к ручке двери. Лика выставила обе руки, пытаясь помочь.

Корректор поднял над Глебом длинный белый палец. На его конце, там, где полагалось быть ногтю, раскрылась узкая щель, полная мелких букв.

— Подлежит изъятию, — сказал он.

Глеб зажмурился.

А я вдруг подумал о самой нелепой вещи на свете: утром никто не вспомнит, какой он пил чай. С тремя ложками сахара, не размешивая. Он всегда оставлял на дне чашки сладкий песок, и мы все над этим смеялись.

Если его сотрут, не останется даже этого.

Я дёрнулся вперёд.

Мой локоть задел стекло пожарного шкафа. Оно не разбилось.

Щелчок.

Время остановилось.

Не красиво, как в кино. Никаких замерших капель, тонкой музыки и величественного света. Просто мир внезапно стал похож на плохо напечатанный лист: края предметов побледнели, голоса оборвались на полуслове, а в середине моего зрения открылась узкая чёрная строка.

«СВЕРКА НЕ ЗАВЕРШЕНА».

Ниже появился новый текст.

ОШИБКА № 0001.

СУБЪЕКТ «ЯН ГРАЧ» ОТСУТСТВУЕТ В ПЕРВИЧНОМ РЕЕСТРЕ.

УДАЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО: НЕЧЕГО УДАЛЯТЬ.

НАЙДЕНЫ ОТВЕРГНУТЫЕ ВАРИАНТЫ ПОСЛЕДНИХ 13 СЕКУНД.

Я мысленно моргнул. Надпись осталась.

— Что за…

Голос прозвучал только в моей голове.

«ДОСТУПЕН ЧЕРНОВИК № 4: ВЫ НЕ ПЫТАЛИСЬ ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ. ВЫ РАЗБИЛИ СТЕКЛО ПОЖАРНОГО ШКАФА».

«РЕЗУЛЬТАТ НЕ ГАРАНТИРОВАН».

«ЦЕНА ПРАВКИ: ОДНО ПОДЛИННОЕ ВОСПОМИНАНИЕ».

«ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ЗАЛОГ: ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С МИЛОЙ ГРАЧ».

На секунду весь мир стал невыносимо отчётливым.

Я вспомнил тот день: суббота, чай со смородиновым вареньем, маленькая коробка с дешёвыми наушниками, купленными в последний момент. Мила стояла у окна кухни в носках разного цвета и делала вид, что ей всё равно. Я сказал ей что-то обидное. Она отвернулась. А потом…

А потом я так и не извинился.

Четыре года я жил с этим незавершённым разговором. Он был последней вещью, по которой можно было доказать самому себе, что Мила существовала.

«ЗАЛОГ БУДЕТ ИЗЪЯТ БЕЗ ВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ».

В углу поля зрения загорелся отсчёт: 00:05.

Оставалось пять секунд, чтобы согласиться.

Мила сказала по телефону: «Не соглашайся на первую правку».

Она ведь предупреждала.

Я посмотрел на Глеба. Его согнутую шею, белый палец над головой. На Лику, прижавшуюся к дверной щели. На мою руку, бесполезно тянущуюся к ручке.

Четыре.

Три.

Впервые за много лет мне стало по-настоящему страшно не умереть, а прожить дальше человеком, который ради памяти о сестре позволил погибнуть кому-то ещё.

Два.

— Прости, Мила, — сказал я.

И согласился.

Мир хрустнул.

Не было ощущения, что время пошло назад. Напротив — будто кто-то вырвал из книги тринадцать страниц и вставил вместо них другие, написанные моим же почерком.

В новой версии последних секунд я не бросился к двери.

Я поднял болторез, выскользнувший из руки Глеба, и ударил по пожарному шкафу.

Стекло разлетелось. Я схватил рукав, сорвал с крана маховик, ободрал ладонь до крови и крикнул Глебу:

— Ложись!

Вода ударила в стену, в потолок, в белое тело Корректора. Чёрные строки на нём вспыхнули, словно их облили кислотой. Он отшатнулся и впервые за всё время закричал не чужим голосом, а настоящим — тонким, металлическим, похожим на визг тормозов.

На секунду я увидел его изнутри.

Не кости. Не мясо. Чужие фотографии, сложенные так плотно, будто из них попытались склеить человека. Тысячи человеческих лиц. Открытые рты, испуганные глаза. И среди них — лицо мальчика с фотографии на панели нашего фургона.

Глеб это тоже увидел.

Он замер. Опустил болторез.

— Федя?.. — выдохнул он.

Корректор протянул к нему руку.

— Папа, — произнёс детский голос.

Глеб шагнул вперёд.

— Нет! — закричал я.

Поздно.

Белая ладонь коснулась его лба.

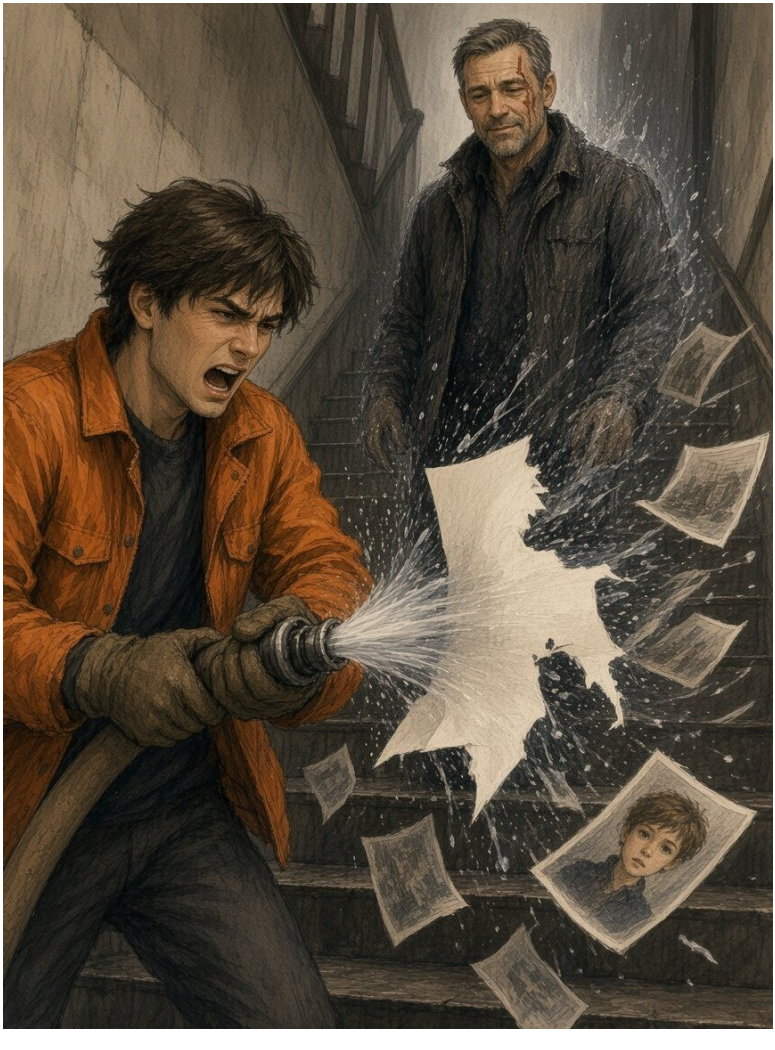
Глеб не упал и не закричал. Он просто стал постепенно

прозрачным, как буквы на старой квитанции под дождём. Сначала исчезла нашивка с куртки. Потом руки, рубец, глаза. На мгновение осталась только складка на лице — выражение человека, который наконец увидел того, по кому очень скучал.

А потом не осталось ничего.

Болторез ударился о пол.

Я продолжал держать шланг и орал от ярости, пока вода размывала лицо существа. Оно попятилось к лестнице, содрало с себя часть мокрой белой кожи и исчезло за поворотом, оставив след из чёрных букв.

Я бросился туда, где только что стоял Глеб.

Пусто.

Даже мокрых следов не осталось.

Из рации донёсся голос Рады:

— Машина семь, ответьте! Машина семь, вы на связи? До сверки сорок секунд!

Я схватил рацию.

— Рада! Он забрал Глеба! Слышишь? Глеба забрали!

Треск.

— Кто такой Глеб? — спросила она.

Я едва не выронил рацию.

— Не шути.

— У нас нет сотрудника с таким именем. Ты выехал один. Ян, у тебя сильное облучение несоответствием. Найди выход. Сорок секунд!

На полу лежал болторез. Вещь, которую держал несуществующий человек.

Я поднял его.

На рукоятке была выцарапана маленькая буква «Ф».

Значит, мне не показалось.

Глеб был. И, может быть, его ещё можно вернуть.

Лика тронула меня за локоть.

— Он не умер, — сказала она.

— Что?

— Его не вычеркнули до конца. Ему оставили место в полях.

— Откуда ты знаешь?

Она взглянула на болторез, на рассыпавшиеся бумаги у порога.

— Потому что я там уже была.

Сверху раздался четвёртый удар колокола.

Коридор начал складываться.

Сначала приблизились стены. Потом двери сдвинулись к центру, словно кто-то сжимал дом ладонями. С потолка посыпались цифры: вырезанные из штукатурки, металлические, бумажные. Восьмёрки, семёрки, нули. Они падали и таяли в воде.

— Выхода нет! — крикнул я в рацию.

— Есть, — ответила Рада. — Только не ищи дверь. Ищи то, чего в доме не было до вашего прихода.

Я огляделся. Лестница, окна, рукав, проводка. И наш шланг, натянутый от шкафа до противоположной стены. Вода бежала по коридору чёрным потоком.

— Ты предлагаешь уплыть?

— Я предлагаю думать быстрее.

Не было до нашего прихода.

Леска, которую мы привязали к перилам, порвалась. Фотоаппарат погиб. На полу лежал болторез. Вода всё ещё лилась из трубы, прорванной Глебом. Это мы принесли с собой — но не совсем.

Потом я увидел на запястье Лики тонкую красную нитку.

— Откуда у тебя это?

— Мне мама дала.

— Где мама?

— Не успела переписаться.

Девочка произнесла это буднично, но при слове «мама» у неё дрогнули губы.

Я взял её за руку. Красная нитка была завязана двойным узлом. На ней висел маленький латунный ключ с выгравированным словом «ЗАВТРА».

И тут до меня дошло.

Рада сказала: то, чего не было до нашего прихода.

Не предмет.

Я.

Этот дом пытался вписать меня во что-то, а Корректор заявил, что меня нет в первичном реестре. Может, именно поэтому он не мог меня стереть обычным способом. Может, для дома я был не человек — а незакрытая ошибка.

В голове снова открылась чёрная строка.

«ОБНАРУЖЕНО НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ РЕШЕНИЕ».

«ВЫ МОЖЕТЕ ПОКИНУТЬ ОБЪЕКТ, ЕСЛИ ПРИЗНАЕТЕ СЕБЯ ПРИЧИНОЙ НЕСООТВЕТСТВИЯ».

«ВНИМАНИЕ: ПРИЗНАНИЕ СОЗДАЁТ СЛЕД».

— Конечно, — пробормотал я. — Даже у апокалипсиса есть соглашение о персональных данных.

Двери съехались ещё ближе. Из одной показалась белая рука Корректора. Он уже восстановил три пальца.

— Как тебя зовут? — спросил он моим голосом.

Я посмотрел на Лику.

Она отрицательно замотала головой.

Нельзя называть имя. Нельзя давать существу доказательство.

— Знаешь что? — сказал я Корректору. — Мои родители и так слишком долго выбирали. Давай обойдёмся без знакомств.

Я мысленно нажал «ПРИЗНАТЬ».

Пол под нами провалился.

И мы упали не вниз.

Мы упали наружу.

. . .

Я очнулся на мокром асфальте. Рядом сидела Лика и рассматривала свои колени. На улице моросил обычный косой дождь, бил в лицо ветер, гудели машины. На месте дома номер восемнадцать была стоянка грузовиков, обнесённая сетчатым забором.

Наш фургон стоял у бордюра.

Из ближайшей булочной пахло горячим хлебом. Я никогда ещё не был так рад запаху дешёвого дрожжевого теста.

На часах было 02:48.

Прошла минута.

Промежуток между тем, как мы вошли, и тем, как выбра-

лись, исчез. Я помнил его. Лика, судя по лицу, тоже. Мир — нет.

Я сел, пытаясь сделать вдох поглубже. Под рёбрами болело. На ладони запеклась кровь. В правой руке по-прежнему был болторез.

Я проверил телефон. На дисплее всплыли уведомления банка: «Недостаточно средств». Как приятно, что хоть что-то в этом мире оставалось постоянным.

Потом открыл галерею и нашёл фотографию Глеба, сделанную неделю назад в мастерской. Мы втроём пили кофе, Рада за кадром показывала неприличный жест. На фотографии теперь были две кружки. Третья стояла отдельно, без владельца.

Я увеличил изображение. На столе, там, где раньше лежала ладонь Глеба, сохранилась маленькая мокрая отметина. Будто кто-то только что поставил чашку.

— Он был, — сказал я.

Лика кивнула.

— В этом и проблема, Ян. Быть — недостаточно.

— Ты можешь хотя бы один раз ответить нормально? Например: «Да, дядя, и спасибо, что спас». Я человек простой, мне этого хватит.

Она посмотрела на меня снизу вверх.

— Спасибо, что спас. Теперь нас обоих будут искать.

— Вот. Уже лучше. Последняя часть, правда, лишняя.

Рада подбежала к нам от перекрёстка. Я не видел, когда

она приехала. На ней был тёмный плащ поверх рабочей толстовки, а в руках — тонкий красный пакет с белой печатью.

Она резко остановилась, заметив Лику.

— Не может быть, — выдохнула Рада.

Лика спряталась за меня.

— Я тоже не рада вас видеть, — сказала она.

— Это она? — спросила Рада.

— Если у нас тут много детей, за которыми охотится государственная канцелярия, уточни фамилию.

Рада даже не взглянула на меня. Её лицо стало жёстким.

— Откуда у тебя ключ?

Лика убрала руку за спину.

— Он мой.

— Я не забираю. Просто скажи, кто тебе его дал.

Девочка опустила глаза.

— Женщина в красном пальто. Она сказала, что, если Ян вспомнит, всё закончится.

От этих слов у меня похолодели пальцы.

— Что я должен вспомнить?

Никто не ответил.

Я полез во внутренний карман, нащупал синюю тетрадь. Носил её всегда, хотя никогда никому не признавался. Страницы отсырели. Я открыл первую.

«Ян, если меня сотрут, сначала разозлись. Бояться будешь потом».

Буквы были на месте.

Я перевернул страницу — туда, где подробно записал последний разговор с Милой. Вечер, слова, смешные носки, недорогие наушники. Несколько лет назад я записал всё, пока память ещё не начала тускнеть.

Страница оказалась чистой.

Я перелистал следующую, потом ещё одну. Там остались заметки о её любимой музыке, рисунок рыжей кошки, список вещей, которые нужно купить, когда она вернётся. Но история о нашем последнем разговоре исчезла. И внутри меня на её месте было то же пустое, гладкое ничего.

Я знал, что мы поссорились. Не помнил из-за чего. Не помнил её слов. Даже её смех, прозвучавший по ту сторону двери, успел отдалиться, словно от меня закрыли ещё одно толстое окно.

Платёж прошёл.

Рада заметила пустые страницы.

— Ты использовал правку, — сказала она.

В её голосе было не удивление, а усталое отчаяние человека, который боялся именно этого.

— Или надо было дать ему исправить Глеба и девочку? — спросил я.

— Я не говорю, что ты поступил неправильно.

— Тогда что?

Она взглянула на тетрадь.

— Я говорю, что теперь у них есть твой след.

Из красного пакета она достала сложенный вчетверо лист.

Это была старая архивная карточка, пожелтевшая по краям. Вверху стояли дата и адрес: «19 НОЯБРЯ 2007 ГОДА. УЛИЦА СЕМИ КОЛОКОЛОВ, 18».

Ровно девятнадцать лет назад.

Ниже — фотография новорождённого, завёрнутого в больничное одеяло. На ней не было ничего необычного, кроме чёрной полосы над глазами и печати, поставленной поперёк снимка.

«АННУЛИРОВАТЬ».

Под фотографией значилось:

ФАМИЛИЯ: ГРАЧ.

ИМЯ: ЯН.

ОСНОВАНИЕ: РЕБЁНОК НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ РОДИТЬСЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА СОХРАНЕНИЕ ОБЪЕКТА: ГРАЧ ЯН.

Я прочёл последнюю строчку дважды.

— Подожди. Я тогда был младенцем. Как я мог отвечать за собственное сохранение?

Рада не ответила.

Лика вцепилась в мою куртку.

— Я ведь говорила, что ты уже умирал, — тихо произнесла она.

— Что, один раз?

Она подняла на меня глаза. В них не было ничего детского.

— Нет, Ян. Это был девятый.

В голове с сухим щелчком появился новый текст.

«СУБЪЕКТ ПРИЗНАЛ ОШИБКУ».

«ПРАВКА: 1 ИЗ 7».

«ДО СЛЕДУЮЩЕЙ СВЕРКИ: 23 ЧАСА 59 МИНУТ».

И последняя строка, от которой холод пробрался глубже, чем после встречи с Корректором:

«ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОИСТОЧНИКА НЕОБХОДИМО УДАЛИТЬ ГОРОД ЛАСТОВ В ЦЕЛОМ».

Вокруг нас продолжалась обычная ночь. Машины шуршали по асфальту. В булочной зажгли вторую печь. Кто-то раздражённо сигналил у светофора.

Почти миллион человек собирался проснуться утром, пойти на работу, забыть дома зонтик, поругаться с начальником и купить молоко к ужину.

А я стоял посреди улицы и смотрел на объявление о том, что их необходимо стереть ради исправления одной ошибки.

Ошибки по имени Ян Грач.

— Рада, — сказал я. — Нам, кажется, пора увольняться.

Она наконец посмотрела мне в глаза.

— Из службы?

— Нет. Из списка тех, кто выполняет инструкции.

В этот момент у Лики в кармане звякнул ключ.

Где-то далеко, под всем городом, ему ответил первый из семи колоколов.

Глава вторая
Цена написанного

Первый колокол прозвучал так глубоко, что его почти не было слышно.

Я почувствовал удар подошвами. На мокром асфальте дрогнула лужа, и отражение фонаря в ней распалось на семь неровных полос. Потом вода успокоилась. Рядом проехало такси. В булочной погасла вывеска «Свежая выпечка», осталась только «выпечка», что применительно ко мне выглядело тревожным пожеланием.

— Что это было? — спросил я.

Рада смотрела не на улицу. На меня.

— Покажи ладонь.

— Хочешь погадать? Я уже знаю, что меня ждёт. Долги, увольнение и очень короткая жизнь.

— Другую.

Я протянул левую. Под кровью и грязью, оставшимися после пожарного шкафа, на коже темнела тонкая вертикальная черта. Она тянулась от запястья к основанию большого пальца и кончалась маленьким квадратом, как строчка, которую ещё не дописали.

Рада не прикоснулась к ней.

— Ты признал себя причиной несоответствия, — сказала

она. — Теперь у тебя есть след.

— На нашей работе вместо премии дают татуировки?

— Ян. Где-то прямо сейчас кто-то получил уведомление, что ты существуешь.

Она быстро оглядела перекрёсток. Пусто. Только парень на электросамокате, две женщины у остановки и оранжевый грузовичок коммунальной службы, медленно ползущий вдоль обочины.

В грузовичке не было ничего необычного, кроме щёток на бампере. Щётки были подняты, но на мокром асфальте за машиной оставалась идеально сухая полоса.

Лика спрятала ключ под свитер.

— Они уже едут, — сказала она.

— Кто?

— Те, кто сначала моют, а потом считают.

Оранжевый грузовичок остановился. Боковая дверца начала открываться.

— В фургон, — приказала Рада.

— Он же служебный. Его первым делом проверят.

— Поэтому мы не поедем на нём.

Она выхватила у меня ключи, бросила их на капот нашей машины и, схватив Лику за руку, побежала к припаркованной возле булочной серой «Ладе».

— А это чья?!

— Моя!

— У тебя нет машины!

— Поздравляю, ты начинаешь замечать несоответствия!

Мы втиснулись в салон. Он пах влажной обивкой, кофе и чем-то горелым. На панели валялась упаковка таблеток от укачивания, за зеркалом заднего вида висел пластмассовый

снеговик с отбитой головой.

Рада повернула ключ. Мотор захлебнулся, чихнул, затем завёлся с тем возмущением, с каким обычно просыпается бухгалтер в воскресенье.

— Пристегнитесь.

— А детское кресло? — спросил я.

— Хочешь остаться и объяснить его отсутствие комиссии?

Я пристегнулся. Лика уже сидела на заднем сиденье, продев ремень под свитер. Она держала одну босую ступню на другой и выглядела так, будто мы похитили её с урока математики.

Оранжевая машина тронулась за нами.

— Нельзя было просто вызвать полицию? — спросил я.

— Можно, — сказала Рада. — Кстати, именно поэтому полиция скоро будет здесь.

На первом перекрёстке она свернула под запрещающий знак. На втором проскочила между двумя ночными автобусами. На третьем я понял, что Рада не пытается ехать быстрее преследователей.

Она пытается ехать так, чтобы нас никто не смог описать одинаково.

Сначала мы пересекли мост. Затем Рада резко сдала назад в переулок, где висела камера наружного наблюдения. Она специально остановилась под объективом, дождалась, пока зелёный огонёк мигнёт, и только тогда двинулась дальше.

— Ты их запутываешь? — спросил я.

— Я запутываю город. Преследователи пойдут туда, куда он скажет.

— Чем тебе не нравится обычная погоня?

— В обычной погоне не приходится доказывать дорожной разметке, что ты человек.

Сзади завыла сирена.

Оранжевый грузовичок прибавил скорость. Сквозь его лобовое стекло я увидел водителя — мужчину в серой шапке. Он держал руль обеими руками. Лица у него, кажется, не было: в том смысле, что я смотрел прямо на него и всякий раз забывал, что увидел.

Рада дёрнула руль. Мы нырнули в тоннель под железной дорогой.

За стеклом на секунду стало темно. Потом впереди показался дневной свет.

Я зажмурился.

Свет снова стал ночным. В зеркало заднего вида смотрела пустая дорога.

— В тоннеле было утро, — сказал я.

— Не наше, — ответила Рада.

Лика прижалась лбом к стеклу.

— Ты пропустила поворот, — заметила она.

— Какой ещё поворот?

— Тот, где мы не разбились.

Рада ничего не сказала. Но я заметил, как она сильнее

стиснула руль.

. . .

Через семь минут мы остановились во дворе старого почтамта. Здание с колоннами и барельефом почтового голубя стояло закрытым лет пятнадцать. Голубю кто-то отбил клюв, и теперь он напоминал курицу, которая слишком многое узнала о государстве.

В окне третьего этажа горела единственная лампочка.

Рада заглушила двигатель, затем достала из кармана красный пакет с архивной карточкой. Странное дело: до этого она держала его так, будто пакет может взорваться. Теперь обернула вокруг него старую тряпку и спрятала за сиденье.

— Куда приехали? — спросил я.

— За доказательством.

Я поднял болторез.

— Этого недостаточно?

— Для тебя — достаточно. Для города — нет. Завтра он начнёт исправлять даже то, что пережило сверку. Нам нужно зарегистрировать след до следующей ночи.

— Чтобы доказать, что существовал Глеб?

Она медленно повторила имя, пробуя его на слух.

— Глеб. Четыре буквы.

— Четыре, — подтвердила Лика.

— Да. Четыре.

Рада посмотрела на меня, и впервые в её глазах не было привычного уверенного раздражения. Только растерянность.

— Я не помню твоего напарника, Ян. Не помню его лица, голоса, даже того, что у нас когда-то была вторая машина на выездах. Но я знаю, как работает изъятие. И я вижу, что ты несёшь инструмент с чьим-то знаком. Это всё, на что я могу пока опереться.

Я хотел рассердиться. Сказать, что верить недостаточно. Что он пил чай с тремя ложками сахара, что всегда вытирал болторез о штанину и называл каждый электросчётчик «разбойником в металлической коробке».

Но Рада смотрела на меня так, как я иногда смотрел на мать, когда та с полной искренностью утверждала, что Милы не было.

И я понял, насколько страшнее было бы помнить всё одному.

— Ладно, — сказал я. — Тогда начнём с четырёх букв.

В глубине двора что-то металлически щёлкнуло.

Рада схватила меня за локоть и повела к боковой двери. На ней висела табличка: «ПРИЁМ ГРАЖДАН С 09:00 ДО 18:00». Под табличкой кто-то карандашом приписал: «ОТСУТСТВУЮЩИХ — КРУГЛОСУТОЧНО».

— Почему именно почтамт? — спросил я.

— Потому что письма иногда приходят после смерти отправителя. А значит, почта лучше остальных умеет обра-

щаться с тем, чего уже нет.

— Достойная государственная услуга.

— И потому что здесь остались старые копировальные прессы. В реестре можно стереть имя. В бумаге под ним иногда остаётся вмятина.

Рада трижды постучала в железную дверь. Два раза быстро, третий — с длинной паузой.

Изнутри спросили:

— Сколько будет дважды два?

— В зависимости от года, — ответила она.

Засов отодвинулся.

На пороге стояла сухая старушка в форменном синем жакете. Её волосы были собраны в тугой пучок, на груди висел бейджик: «ЗОЯ ПЕТРОВНА. ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩАЯ ОБЯЗАННОСТИ».

— Неужели снова ты, Лис? — сказала она. — Каждый раз являешься с бедой. Хоть бы однажды с тортом пришла.

— Есть девочка, — ответила Рада. — И незавершённое изъятие.

Зоя Петровна перевела взгляд с Лики на меня. На моё лицо, рабочую куртку, руку с болторезом.

— А это что за подарок?

— Свидетель.

— По виду — должник.

— Одно другого не исключает, — сказал я.

Старушка хмыкнула. Потом заметила чёрную линию на

моей ладони и перестала улыбаться.

— Закрывай дверь, — велела она. — И не вздумай здороваться по имени.

. . .

Внутри пахло клеем, пылью и старой краской. Стены бывшего сортировочного зала были заставлены металлическими ящиками. Одни лежали ровными рядами; другие стояли под потолком, куда вела узкая лестница с отломанным поручнем. На каждом ящике был не адрес, а дата.

Я увидел «1961», «1988», «2012». Ниже — «ЗАВТРА».

Лика тоже заметила этот ящик. Остановилась.

— Не трогай, — резко сказала Зоя Петровна.

— Я и не собиралась.

— Вот и хорошо. У нас здесь половина бед начинается со слов «я только посмотрю».

В центре зала высился огромный копировальный пресс на чугунных лапах. От него тянулись ремни к мотору, похожему на стиральную машину из музея. На столе лежали карандаши, лупа и стопка тончайшей бумаги. Над прессом висели часы без стрелок.

— Это всё ещё работает? — спросил я.

— Конечно, — сказала Зоя Петровна. — Если бы не работало, давно поставили бы на баланс администрации и торжественно открыли музей.

Она сняла с крючка фартук, обвязала вокруг талии и, не глядя, протянула руку.

— Вещь.

Я не спешил отдавать болторез.

— Если вы его заберёте, я останусь даже без этого.

— А ты думаешь, мне нужен твой старый железный кусач? У меня артрит. Я банку огурцов открыть не могу.

— Тогда зачем?

— Чтобы увидеть, чью руку он помнит.

Я посмотрел на Раду. Та кивнула.

Положив инструмент на стол, я заметил кое-что новое: маленькая буква «Ф» на рукоятке была не просто выцарапана. Рядом с ней, если смотреть под косым светом, шла ещё одна царапина — короткая косая черта.

Раньше её не было.

Зоя Петровна сунула под металл лист тонкой бумаги и повела по нему графитовым бруском. Контуры болтореза проступили на белом фоне серой тенью. Возле рукояти вдруг появилось ещё три слабых отпечатка пальцев.

Не моих.

Рада резко вдохнула.

— Он держал его при сверке, — сказала Зоя Петровна. — И держит сейчас. Только с другой стороны.

— С другой стороны чего? — спросил я.

— Не заставляй меня объяснять то, чего даже мне не объяснили. Мне хватает квитанций за отопление.

Старушка прижала ладонью графитовый лист. Отпечатки не исчезли.

Она выдвинула один из ящиков. Внутри лежали конверты, помеченные не фамилиями, а номерами машин городских служб. Нашёлся и номер семь.

— Вот, — сказала Зоя Петровна. — Выездная опись за этот месяц. Когда человек исчезает, графы переписываются. А нажим пера…

Она вытянула несколько заполненных бланков и положила их на наклонный стеклянный столик. Свет снизу проявил пустые строки.

— …иногда остаётся в нижних копиях.

Я наклонился ближе.

На первом листе стояло: «Машина № 7. Водитель: Грач Ян. Состав экипажа: 1».

На втором — то же самое.

На третьем в графе «Состав экипажа» не было букв, но бумага хранила шесть глубоких вмятин. Зоя Петровна приложила к листу чёрную кальку.

Перед нами проступило:

С У Х О В Г.

У меня подкосились ноги.

Это были всего пять букв фамилии и одна — после пробела. Имя человека, которого мир уже не признавал. Но от этих маленьких ямок в бумаге вдруг стало легче дышать.

— Вот он, — прошептал я. — Глеб.

Рада наклонилась, стараясь разглядеть надпись. И я увидел, как изменилось её лицо: не воспоминание вернулось, нет. Что-то в ней наконец получило доказательство, за которое можно было держаться.

— Значит, мы можем оставить запись? — спросила она.

— Не эту, — ответила старушка. — Нажим тоже сотрётся, когда город окончательно закроет дело. Нужен акт на медной ленте. У неё другая память.

Она положила лист под пресс. Мотор под столом хрипло загудел. Внутри механизма что-то перебирало шестерёнками, как человек, считающий мелочь в темноте.

— Что ты знаешь о семи правках? — вдруг спросила Рада.

Я повернулся.

— Мне предложили одну. Я согласился. Теперь написано «одна из семи». На выбор было пять секунд, а на размышления, видимо, не предусмотрели тариф.

— В обычных сверках никто не получает выбора, — тихо сказала она. — Они переписывают событие, и ты даже не знаешь, что оно могло случиться иначе. Иногда остаются те, кто помнит прежний вариант. Такие люди долго не живут. А тебе показали отвергнутый вариант и предложили вписать его собственноручно.

— То есть меня повысили до внештатного редактора вселенной?

— С ограниченным числом исправлений. И с оплатой вперёд.

Я достал синюю тетрадь. Открыл пустые страницы, на которых прежде была записана последняя ссора с Милой.

— Они забрали воспоминание. И запись тоже. Почему остальные страницы целы?

Рада провела пальцем над строчкой Милы на первой странице, но не коснулась её.

— Потому что ты платил конкретным событием. Не всей памятью о человеке. Цена — не то, что написано на экране. Цена — дыра, которую это событие оставит во всём остальном.

Я снова посмотрел на пустоту.

До этой ночи я знал, за что должен просить у сестры прощения. Теперь знал только, что должен. И это было почти хуже.

— Можно отказаться от следующей правки? — спросил я.

— Если не прижмут так, что покажется, будто отказа нет.

— Обнадёживает.

— Ты можешь действовать без подсказки, Ян. Ещё вчера умел.

Я хотел огрызнуться, но замолчал. Рада была права. Странное чувство: почти захотелось повесить дату на стену.

Зоя Петровна закрутила на прессе большой чёрный маховик.

— Болтаете громко, — буркнула она. — Здесь стены читают.

Лика, до сих пор молчавшая возле ящика с надписью

«ЗАВТРА», подняла голову.

— Уже поздно, — сказала она.

Из коридора донёсся звонок.

В почтамте, закрытом пятнадцать лет назад, зазвонил телефон.

. . .

Звонок шёл со стороны старого окошка выдачи посылок. За стеклом на столе стоял аппарат с диском. Чёрная трубка подпрыгивала на вилке, словно кто-то тянул её изнутри.

— Не отвечай, — сказала Рада.

— И не собирался.

Телефон умолк.

Через секунду он зазвонил снова.

Зоя Петровна резко отключила мотор пресса и накрыла бланки тяжёлой крышкой.

— Кто мог знать, что мы здесь? — спросил я.

— Тот, кто знает, куда обращаются, если хотят вспомнить стёртого человека, — ответила она.

Диск аппарата сам собой повернулся. Щёлкнул один раз, затем ещё. Я различил цифры: два, четыре, семь.

02:47.

— Не поднимайте, — сказала Лика. — Он будет вежливым.

Из трубки, хотя её никто не трогал, донёсся мужской го-

лос:

— Доброй ночи. Это служба уточнений. Просим присутствующих сохранять спокойствие и предъявить незарегистрированные предметы.

Рада положила руку на выключатель света.

— Мы никого не вызывали.

— Вызов оформлен от вашего имени, — ответил голос. — Рада Лис, сотрудник диспетчерской группы. Ян Грач, неподтверждённый субъект. Несовершеннолетняя без действительного происхождения. И ещё один гражданин, который не успел завершить уход.

Я схватил болторез.

— Глеб, — сказал я.

Из трубки послышалось короткое шуршание.

— Это имя не предусмотрено описью. Пожалуйста, не усложняйте процедуру.

— А если я усложню?

— Тогда мы будем вынуждены оформить ваше присутствие задним числом.

Рада погасила свет.

В темноте телефон продолжал говорить. Очень учтиво объяснял, что мы можем избежать ненужного насилия, если немедленно откроем главный вход. Что свидетельские показания не требуются. Что все ошибки будут устранены с наименьшими неудобствами для населения.

При слове «население» кто-то медленно нажал на двер-

ную ручку.

Раз.

Другой.

Замок выдержал.

Снаружи послышались шаги. Не один человек. Минимум трое.

Я стоял с болторезом в руках и думал о том, что год назад мы всей сменой спорили, кому идти в магазин за сахаром. Теперь, кажется, магазин шёл за нами.

— Зоя Петровна, задний выход, — прошептала Рада.

— Есть, — отозвалась старушка. — Для посылок. Человеку туда лучше не лезть.

— Человек здесь не самая надёжная категория, — сказал я.

Замок на двери щёлкнул.

Не сломался. Просто кто-то снаружи убедил его, что он никогда не был закрыт.

Вошли трое.

Никаких белых чудовищ. Обычные люди в оранжевых плащах с серебряными полосами. У одного на шее висел строительный уровень, у второго — планшет с потрескавшимся экраном. Третий был в возрасте, гладко выбрит, с аккуратными седыми усами. Он снял мокрую шапку, вытер ботинки о половичок и поздоровался с хозяйкой.

— Зоя Петровна, доброй ночи. Извините за беспокойство.

— Сами знаем, кто вы такие, — сказала старушка. — Туда

не ходите. Там пол провален.

Человек учтиво кивнул.

— Инспектор Полозов, служба уточнений. Проводим плановую проверку незаконного хранения неучтённых объектов.

— По какому графику? — спросил я. — У нас за три часа столько планов появилось, что впору делать ежедневник из бронелиста.

Полозов посмотрел на меня. Не на глаза — на ладонь с чёрной чертой.

— А вот и инициатор, — сказал он почти ласково. — Ян Грач. Вы ведь не представляете, насколько упростили нам работу.

— Люблю быть полезным. Только зарплату сначала переведите.

Он улыбнулся. Улыбка была человеческая. Зубы — тоже. Именно это почему-то пугало сильнее всего.

— Вы вступили в реестр добровольно. Даже подпись поставили. Теперь мы имеем полное право доставить вас на проверку происхождения.

— А если я откажусь?

— Отказ — тоже решение. Нам подходит любое задокументированное.

Рада встала между ним и Ликой.

— У нас временная опись. Согласно восьмому приложению вы не можете изъять свидетеля до выдачи копии.

Полозов покачал головой, как учитель, огорчённый слабым ответом любимого ученика.

— Восьмое приложение отменено. Вчера. Оно слишком часто помогало людям, которым нельзя было помочь.

— Вчера его ещё не отменяли, — сказала Рада.

— Сегодня уже отменяли вчера.

Мне захотелось уйти в любую профессию, где самая большая опасность — что начальник попросит остаться сверхурочно. Например, в разминирование.

Инспектор подошёл к столу. Увидел болторез и едва заметно изменился в лице.

— Любопытно. Откуда у вас этот предмет?

— Свалился с неба, — ответил я.

— Вы же понимаете, что ложные показания…

— А истинные вы принимаете?

Он задумался всего на секунду.

— По мере необходимости.

Сотрудник с планшетом раскрыл пластиковую папку. Внутри лежали белые листы с единственным словом посередине: «ОТСУТСТВОВАЛ». Он положил один на ближайший ящик. Буквы с него соскользнули вниз и легли на металл, как мокрые наклейки.

Ящик с датой «1988» побелел. Внутри что-то коротко стукнуло и затихло.

Зоя Петровна сделала шаг вперёд.

— Это на моём участке!

— Согласно новому порядку, — сказал Полозов, — ваш участок отсутствовал до нашего прибытия. Прошу не мешать.

— Я сорок лет здесь работаю!

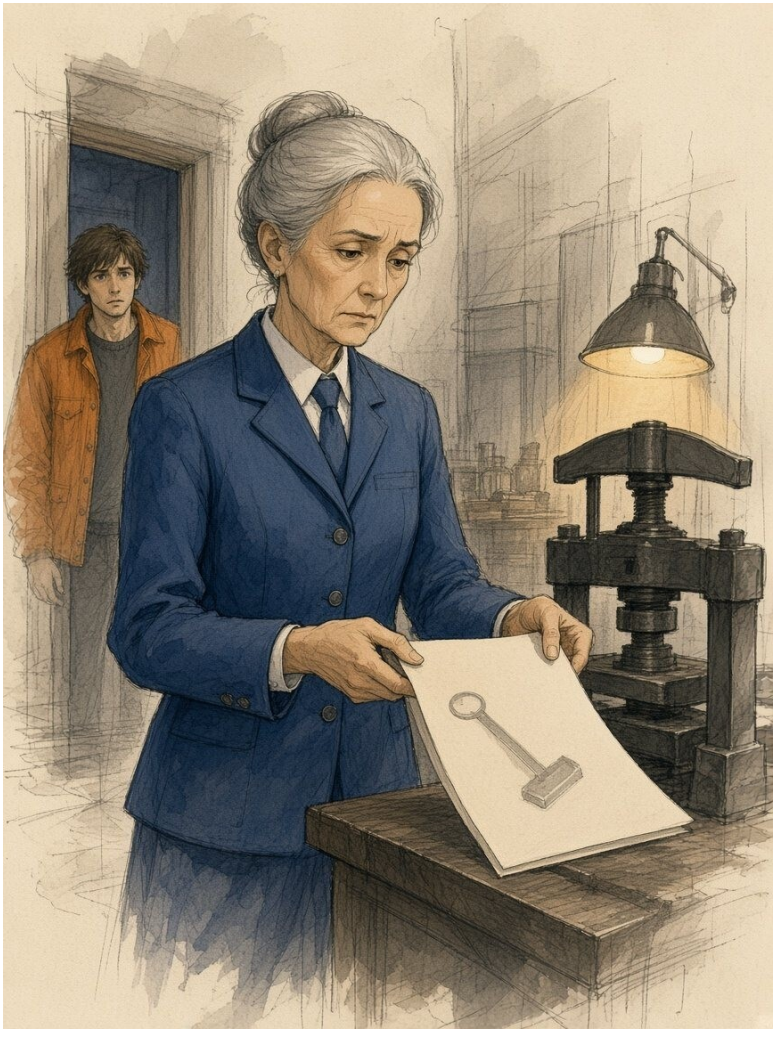
— И именно поэтому мы так долго откладывали проверку.

Он взглянул на пресс.

— Я вижу, вы начали контактную выдачу. Это нарушение. Предоставьте вещь, девочку и все полученные отпечатки. Взамен я гарантирую, что вас троих отпустят после оформления объяснительных.

— А старушку? — спросил я.

— Зоя Петровна — часть помещения, — спокойно ответил он. — Её вопрос будет решаться вместе с вопросом о здании.

Второй сотрудник поднял тяжёлую папку. Рада мгновенно ударила выключатель на стене.

Свет мигнул.

Полозов не обернулся. Он вздохнул — так вздыхает человек, который предупреждал, что обои отклеятся, а теперь ему приходится чинить стену.

— Пожалуйста, без самодеятельности.

Рада бросила мне короткий взгляд, затем подняла обе руки.

— Хорошо. По протоколу. Я отдам вам предмет, когда пресс закончит перенос следа. Иначе вы получите вещь без последней отметки, а значит, конфискуете не то.

— Сорок секунд, — сказал Полозов. — Не больше.

Я едва не спросил, откуда он знает срок работы машины, но вовремя заметил: на запястье инспектора были часы с секундной стрелкой. Она шла против хода.

Зоя Петровна опустила рычаг. Мотор ожил. Тяжёлая плита начала опускаться на болторез и тонкую медную ленту.

— Он выдержит? — прошептал я.

— Железо выдержит, — сказала старушка. — А вот мы — как получится.

Полозов стоял неподвижно. Его люди разошлись вдоль стен. Тот, что с уровнем, остановился у выхода для посылок. Другой наклеил на дверь чёрную полоску. На ней проступило: «НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО».

Дверь медленно исчезла под слоем новой штукатурки.

— Они запечатывают выходы, — прошептал я.

— Им нужны бумаги, — так же тихо ответила Рада. — Без них они просто люди с плохими манерами.

Это прозвучало не очень утешительно. У людей с плохими манерами в руках часто бывают вещи гораздо страшнее вежливости.

Пресс стукнул один раз. Лента натянулась. На её поверхности появились первые выпуклые точки.

Зоя Петровна пригнулась, будто от ветра.

— Пошло. Держи его ровно, мальчик.

Я схватил выступавшие из-под станины рукоятки болтореза, чтобы металл не съехал. Ладони обожгло холодом. Не машинным холодом — пустотой, из которой кто-то очень хотел протиснуть пальцы.

Мне показалось, что с другой стороны инструмента держатся за ручки.

Одна рука. Тяжёлая, с мозолями.

— Глеб? — прошептал я.

Рукоятка едва заметно дрогнула.

В голове щёлкнул знакомый механизм.

«ОБНАРУЖЕН СЛЕД ИЗЪЯТОГО УЧАСТНИКА».

«КОНТАКТ ВОЗМОЖЕН ПРИ УСЛОВИИ НЕПРЕРЫВНОГО ПРИСУТСТВИЯ СУБЪЕКТА».

«ВНИМАНИЕ: СЛЕД ОБНАРУЖЕН ПО ОБЕ СТОРОНЫ СВЕРКИ».

Я не понял последней строки. И не успел спросить, пото-

му что Полозов вдруг побледнел.

— Отойдите от пресса, Грач.

Впервые его голос прозвучал не учтиво, а резко.

— А если нет?

— Тогда вы приведёте сюда то, что мы пытались удержать с той стороны.

Мне было бы очень приятно узнать, что он имел в виду, желательно сидя дома под пледом и с вооружённой группой поддержки. Но мужчина с планшетом уже сделал шаг ко мне.

И Лика метнулась вперёд.

Она не ударила его и не попыталась вырвать бумаги. Она просто поставила босую ногу на край раскрытого листа.

— Не трогайте дядю, — сказала она.

Сотрудник застыл.

— Девочка, отойди. У тебя нет права вмешиваться.

— А у вас есть право меня считать?

Он машинально посмотрел вниз.

У Лики была тень.

Только теперь я заметил, что она падала не от единственной горящей лампы. Её тень тянулась к стене, где не было света, и стояла там отдельно, словно кто-то маленький прятался за невидимой дверью.

Сотрудник с планшетом раскрыл рот.

— Она из…

— Не произноси! — рявкнул Полозов.

Поздно.

Слово не прозвучало целиком. Но под потолком все ящики с датами одновременно задребезжали. По стене прошла чёрная трещина. Из трещины выглянула белая тонкая рука.

У Полозова в глазах отразился настоящий ужас.

— Вы не понимаете, что тащите за собой, — прошептал он.

— Взаимно, — ответила Рада.

Она ударила инспектора ногой в колено.

Полозов согнулся. Я схватил болторез, но станок ещё не закончил работу: медная лента уходила под плиту, и оторвать её значило потерять отпечаток.

— Ещё девять секунд! — крикнула Зоя Петровна.

Девять секунд — пустяк для человека, который ждёт, пока закипит чайник. Для человека, на которого одновременно идут двое сотрудников с папками и белая рука из стены, девять секунд — самостоятельная геологическая эпоха.

Сотрудник с уровнем бросился к Раде. Та уклонилась, но потеряла равновесие. Мужчина врезался плечом в стол и опрокинул коробку со старыми сургучными печатями.

Одна из них покатилась по полу к Лике.

Из стены выдвинулась вторая белая рука. На пальцах раскрылись узкие складки, полные чёрных букв.

Корректор.

Не тот ли самый, которого мы оставили в доме? Не знаю. Встречая тигра, редко спрашиваешь, не знаком ли он с предыдущим тигром.

Существо протиснуло через трещину гладкое лицо. Наклонило голову. Принюхалось, хотя носа у него не было.

— Найдено незавершённое имя, — прошелестело оно.

— В очередь, — сказал я. — У нас здесь по записи.

Оно протянуло руку к Лике.

И тут я сделал то, что делаю обычно, когда из угла комнаты падает незакреплённый шкаф: бросился между ребёнком и проблемой, не потратив ни секунды на размышления о собственной безопасности.

Плохая привычка. Особенно в городе, где проблемы умеют переписывать последствия.

Белые пальцы сомкнулись на моём запястье. Я почувствовал, как холод пробрался под кожу. Чёрная черта на ладони зажглась болью.

Перед глазами развернулась знакомая строка.

«СВЕРКА НЕ ЗАВЕРШЕНА».

«НАЙДЕНЫ ОТВЕРГНУТЫЕ ВАРИАНТЫ ПОСЛЕДНИХ 13 СЕКУНД».

«ДОСТУПЕН ЧЕРНОВИК № 2: ВЫ НЕ ПОДСТАВИЛИ РУКУ. ВЫ ТОЛКНУЛИ РЕБЁНКА К ЗАДНЕМУ ВЫХОДУ».

«ВОЗМОЖНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ: СУБЪЕКТ «ЛИКА» СОХРАНЁН».

«ЦЕНА ПРАВКИ: ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕРВОМ ОБЪЯТИИ МАТЕРИ ПОСЛЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ МИЛЫ ГРАЧ».

Мир снова стал похож на плохо напечатанную страницу. Я видел, как застывает в воздухе сургучная печать, как у Рады в открытом рту не успевает родиться крик. Видел маленькое лицо Лики.

Пять секунд.

Я никогда особенно не ценил то объятие. После исчезновения Милы мать уже не помнила, о ком я плакал, и обняла меня так, как обнимают чужого человека на похоронах. Я оттолкнул её. Потом всю ночь ненавидел себя за это.

Но я хотя бы помнил, как она пыталась меня утешить.

Четыре.

Вариант предлагал спасти Лику. Не обещал сохранить Раду, Зою Петровну, кого-то из тех, кто стоял у пресса.

Три.

В первый раз я согласился, потому что не видел другого выхода. Теперь видел. Правда, отвратительный. Без гарантии. Очень похожий на всё, что я привык называть жизнью.

Два.

— Нет, — мысленно сказал я.

Чёрные строки мигнули.

«ОТКАЗ ОТ ПРАВКИ ПОДТВЕРЖДЁН».

Мир вернулся.

Вместе с болью.

Я вывернул запястье, высвободился из ледяной хватки и стиснул выступавшие из-под станины рукоятки болтореза. Его стальные губки поймали белую кисть у самого края прес-

са. Стиснул рукоятки изо всех сил.

Металл клацнул. Существо издало звук, похожий на разорванный конверт.

— Зоя Петровна! — заорал я. — Включайте!

— Он и так включён!

— На полную!

Старушка рванула рычаг до упора.

Пресс взревел. Чугунная плита ударила вниз, прижимая белые пальцы к железу. Из них выдавило не кровь, а тысячи крошечных букв. Они посыпались на пол, рассыпались, попытались собраться в слова.

Одна буква прилипла к моей куртке. Я машинально стряхнул её, как паука.

Корректор отшатнулся. Его рука осталась в станке.

— Сейчас! — закричала старушка.

Плита поднялась.

Медная лента выплюнулась из-под валика, закрученная тугим блестящим кольцом. Рядом свалился болторез, по которому теперь шли тонкие чёрные линии, как после сварки.

Я схватил и то и другое.

— Девять секунд прошли? — спросил я.

— У нас тут вообще всё время прошло! — рявкнула Зоя Петровна.

Полозов успел выпрямиться. Он выхватил из папки плотный белый лист и ударил по нему круглой красной печатью.

Я увидел слово «ЗАПРЕТИТЬ».

В эту секунду в моей голове возникла очень простая мысль.

Если в нашем городе документ может изменить дверь, пожалуй, бумагу следует уважать. Но не настолько, чтобы держать её сухой.

Я схватил с подоконника ведро, в котором Зоя Петровна замачивала какие-то старые кисти, и выплеснул воду на стол инспектора.

Лист намок. Красная печать растеклась.

— Вы что творите?! — впервые по-настоящему завопил Полозов.

— Архивное дело, — сказал я. — Перевожу в жидкий формат.

Наклейка «НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО» на двери стала прозрачной. За ней снова проступили контуры створки.

Рада ударила плечом в косяк. Дверь распахнулась.

— Все в сортировочную! — крикнула она.

Зоя Петровна метнулась к большой красной кнопке под часами без стрелок.

— Я вас задержу!

— Не надо геройствовать! — сказал я.

— Мальчик, — отрезала она, — я двадцать семь лет сортировала письма без почтовых индексов. Меня начальник отдела не напугал. И эта мокрая канцелярия не напугает.

Она нажала кнопку.

Где-то под потолком загрохотали старые транспортёры.

Сверху посыпались мешки. Сотрудник с планшетом отскочил, второй едва успел прикрыть голову папкой. Конвейерная лента, широкая как стол, начала двигаться к темноте под стеной.

— Бегите! — крикнула Зоя Петровна. — И не вздумайте возвращаться за сдачей!

Мы прыгнули на ленту.

. . .

Удивительно, как быстро меняется представление человека о достойном способе передвижения.

Двадцать минут назад я гордился тем, что никогда не ездил в багажнике. Теперь полз между почтовыми мешками по транспортёру, которому, судя по скрипу, было больше лет, чем нескольким моим родственникам вместе взятым.

Рада впереди отталкивала мешки ногами. Лика ползла между нами. За спиной грохотал станок; в глубине почтамта кто-то громко перечислял статьи о нарушении порядка хранения.

— Они её сотрут? — спросил я.

— Зоя Петровна знает, где держать оборону, — ответила Рада.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Лента круто пошла вниз. Я успел ухватить Лику за ворот-

ник, когда она соскользнула на металлический скат. Мы вместе рухнули в мешок с пыльными газетами, скатились по желобу и вылетели через люк на пол тёмной подсобки.

Рада приземлилась последней, ударилась локтем и тихо выругалась. Я решил, что это хороший знак. Призраки, насколько я знал, редко ругаются с таким знанием анатомии.

Снаружи послышался шум воды.

Мы оказались в подземной погрузочной галерее. Один её конец упирался в заваленные кирпичом ворота, другой выходил к маленькой речке, загнанной в бетонную трубу. Вода несла обрывки листьев и смятые стаканчики. Над ней проходил узкий обслуживающий мостик.

— Через него, — сказала Рада.

Я посмотрел на мостик. Перила были наполовину срезаны, металлические листы прогнулись посередине.

— Поддержку технической целостности сюда давно вызывали?

— Вызывали тебя, — сказала Рада.

— Ну всё. Теперь точно не пойдём.

Мы пошли.

На середине мостика Лика остановилась. Не испугалась высоты. Она прислушивалась к шуму воды.

— Он разговаривает, — сказала она.

— Кто?

— Дядя из дома.

Я почувствовал, как сжался желудок.

В воде под мостиком действительно что-то шевелилось. Сначала я решил, что это бумажные клочья. Потом отдельные пятна слиплись, и на поверхности на мгновение проступило лицо.

Не Глеба.

Мальчика лет пяти с глазами, закрашенными чёрными пятнами.

Федя.

Я узнал его по фотографии из фургона. Лицо было таким же, только теперь его рот открывался и закрывался, пытаясь произнести слова. Вода не передавала звука.

Лика присела на корточки, вцепившись в остаток перил.

— Он не просит помощи, — сказала она.

— А что?

— Считает.

Мальчик поднял одну руку. Показал три пальца.

Потом два.

Потом один.

Рада схватила Лику на руки.

— Прочь с моста!

Мы рванули к противоположному берегу. В тот же миг вода под нами вспучилась. Из неё поднялась масса белых листов, скрученных в длинный гибкий столб. На мгновение столб принял форму человека, тянущегося к железному настилу.

Там, где его пальцы коснулись моста, металл побелел и

рассыпался ржавой пылью.

Я прыгнул.

Не красиво. Грудью на бетон, коленями на камни. Болторез ударил по лопатке так, что у меня из глаз посыпались искры. Медная лента выскользнула из кармана и покатилась к воде.

Я ухватил её в последнюю секунду.

Сзади раздался хруст. Мост обвалился, утонул в чёрном потоке. Белая фигура под водой ещё какое-то время пыталась собрать себя из бумаги, но течение разорвало её на клочья.

Лика стояла на другом берегу, прижавшись к Раде.

— Ты видела Федю? — спросил я.

Рада покачала головой.

— Кого?

— Сына Глеба. Того, кого он увидел в Корректоре.

Она прикусила губу.

— Я слышала, как ты произнёс имя. Но лица я не видела.

Лика подошла ко мне. Её ладонь была ледяной.

— Он не всегда выглядит как ребёнок, — сказала она. — Это не значит, что ребёнка там нет.

— Ты ведь знаешь гораздо больше, чем говоришь.

Девочка опустила голову.

— Если я всё расскажу, ты перестанешь мне верить.

— Я уже не понимаю, чему верить.

— Вот поэтому и не расскажу.

Сказано было зло, по-детски. Но в конце фразы голос у неё дрогнул.

Я хотел спросить о красном ключе. О том, почему в доме Лика сказала, что его дала мама, а на улице — женщина в красном пальто. Две разные истории. Или одна, которой не хватало куска.

Но у нас не было ни времени, ни сухой одежды, ни права требовать от ребёнка ответов, которых иногда не бывает даже у взрослых.

— Ладно, — сказал я. — Пока не рассказывай. Но когда будем в безопасности, я задам все вопросы. Очень скучные. С уточняющими подпунктами.

— Тогда мы никогда не будем в безопасности, — заметила Лика.

— По крайней мере, у нас появится общий план.

И впервые за ночь она слабо улыбнулась.

. . .

Мы вышли на поверхность за старым речным вокзалом. Часы на стене показывали четыре ноль шесть. Обычная ночь уже начала сдавать позиции утру. По пустой набережной ходили дворники, на остановке курил мужчина с термосом, где-то за домами включили первую кофемашину.

Я никогда раньше не замечал, каким огромным подвигом бывает обычное утро.

Рада нашла незапертый сарай для спасательных кругов и загнала нас внутрь. Мы сели на перевёрнутую лодку. Лика уснула почти сразу, положив голову мне на колено. Я накрыл её своей курткой и только тогда вспомнил о медной ленте.

Она была тёплой.

Зоя Петровна успела снять отпечаток. В ладони лежало тугое кольцо металла с выпуклыми точками и короткими бороздками, словно кто-то пытался написать письмо вслепую.

— Чем это читать? — спросил я.

Рада достала телефон, включила фонарик и положила его на пол. Свет упал сбоку, длинные тени сделали выпуклости чётче.

Я медленно развернул ленту.

Сначала появилась строка, которую я уже видел на бумаге:

СУХОВ ГЛЕБ.

Я провёл по буквам большим пальцем. Они были настоящие. Не отражение в воде, не воспоминание и не обман монстра. Если даже завтра все люди на земле забудут это имя, я смогу поднести им полоску металла и сказать: вот, смотрите.

Дальше шёл номер выезда: 7.

Потом — время: 02:46.

Ниже выпуклости были плотнее. Я прищурился и прочёл:

СТАТУС: НЕ ЗАВЕРШЁН.

МЕСТО УДЕРЖАНИЯ: ПОЛЕ 4.

СРОК УДЕРЖАНИЯ: ДО СЛЕДУЮЩЕЙ СВЕРКИ, 02:47.

СПОСОБ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ: КОНТАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ.

— Глеб жив, — сказал я.

Рада долго смотрела на ленту.

— Здесь написано «не завершён». Это не всегда значит «жив» в нашем понимании.

— Ты прекрасно знаешь, что я сейчас не хочу слышать точные определения.

Она подняла взгляд.

— Знаю. Поэтому слушай главное: он ещё не стал окончательно чужой записью. До следующей сверки есть время.

Я взглянул на ладонь. Чёрная линия не исчезла. Секунд через пять над ней возник текст, будто сама кожа решила подвести итог ночи.

«ПРАВО НА ПРАВКУ: 1 ИЗ 7 ИСПОЛЬЗОВАНО».

«ОСТАЛОСЬ: 6».

«ОТКАЗ ОТ ЧЕРНОВИКА № 2 НЕ СЧИТАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ».

«ДО СЛЕДУЮЩЕЙ СВЕРКИ: 22 ЧАСА 41 МИНУТА».

Я выдохнул. Шесть. Всё ещё шесть.

Честно говоря, никогда не думал, что однажды буду радоваться неиспользованным возможностям проиграть собственную память.

На последнем участке ленты появились новые строки.

Раньше их не было. Я точно помнил: когда мы выходили из почтамта, металл заканчивался пустой полосой. Теперь

выпуклости медленно проступали у меня на глазах, как буквы на бумаге под нагретым утюгом.

Рада наклонилась ближе.

ПОДТВЕРЖДАЮ: ГЛЕБ СУХОВ.

НЕ ТРАТЬ ПРАВКУ НА МЕНЯ.

Я ВИДЕЛ ФЕДЮ.

ОН СЧИТАЕТ НЕ НАС.

И ниже, отдельной строкой:

ИЩИ СПИСОК ТЕХ, КОГО ЕЩЁ НЕ УСПЕЛИ УБИТЬ.

Несколько секунд я сидел и смотрел на это последнее предложение.

— Что за список? — спросил я.

Рада закрыла глаза. Я успел увидеть на её лице выражение, которого у неё прежде не замечал: не растерянность, не страх — узнавание.

— Перепись, — тихо сказала она.

— Какая ещё перепись?

— Изъятые попадают в поля. Но перед следующей сверкой некоторых оформляют заранее. Так дешевле. Город не ждёт, пока человек исчезнет, — сначала записывает его как отсутствующего. Потом создаёт обстоятельства, при которых запись становится правдой.

Я посмотрел на спящую Лику.

— Сколько человек в этом списке?

Рада не ответила.

Именно поэтому я понял, что их много.

В кармане завибрировал телефон. Я вздрогнул так сильно, что чуть не уронил металлическую ленту.

На экране высветилось: «МАМА».

— Не отвечай, — сразу сказала Рада.

Но я уже поднял трубку.

— Мам?

— Ян, ты где? — спросила она. — Ты мне три раза за ночь звонил, говорил, что не сможешь приехать. Что за глупости? Ты в порядке?

Я смотрел на экран. Не было исходящих вызовов. Ни одного.

— Я тебе не звонил, мам.

— Не спорь со мной. Я голос своего сына узнаю.

Где-то за её спиной шумел чайник. Самый обычный домашний звук. От него защемило в груди сильнее, чем от падения с моста.

— Что я сказал? — спросил я.

— Что скоро всё закончится. Что мне нужно закрыть окна и не открывать дверь, если кто-то придёт и назовётся тобой.

Я медленно поднял голову.

Рада уже стояла на ногах. Смотрела не на меня — на щель под дверью сарая.

— А потом? — шёпотом спросил я.

— Потом ты засмеялся, — сказала мама. — Ян, у тебя очень странный смех сегодня. Я тебя таким никогда не слышала.

За дверью негромко хрустнул гравий.

Лика открыла глаза.

— Не двигайтесь, — сказала она одними губами.

Я прислушался. Шаги остановились совсем близко.

Мама продолжала что-то говорить в трубке. Я не разобрал слов. Потому что снаружи кто-то точно моим голосом произнёс:

— Мам, я всё исправлю. Обещаю.

И постучал в дверь.

Три коротких удара. Пауза. Ещё один.

Глава третья
Перепись мёртвых

У человека может быть много неприятных встреч.

С бывшей девушкой, которой ты должен пять тысяч. С начальником, которому ты должен объяснение. С налоговой, которой ты должен примерно всё.

Но до этой ночи мне ни разу не приходилось прятаться от самого себя за дверью сарая для спасательных кругов.

— Мам, — сказал я в телефон, — положи трубку.

Снаружи точно мой голос повторил:

— Мам, положи трубку.

Только он произнёс это на полсекунды раньше меня.

Я замолчал.

— Ян? — встревожилась мать. — У тебя там кто-то есть?

За дверью негромко засмеялись. Моим смехом, но без дыхания между звуками. Так смеётся запись, если её воспроизвести на старом магнитофоне.

Рада поднесла палец к губам. Другой рукой она уже тянула к себе металлический багор, висевший над спасательными кругами.

— Мам, — шепнул я, — к тебе сейчас никто не придёт. Закрой дверь на цепочку. Если услышишь мой голос с лестницы — не отвечай. И никому не говори, что узнала меня.

— Хватит загадок. Сначала ты велишь мне никому не открывать, потом говоришь, что не звонил, а теперь…

Снаружи ласково произнесли:

— Ну скажи ему, мам. Скажи, что я твой сын.

На миг в сарае стало так тихо, что я расслышал, как под перевёрнутой лодкой капает вода.

— Кто это? — спросила мать.

— Не отвечай, — сказала Лика.

Девочка уже стояла возле двери. По-прежнему босая, в жёлтом свитере, с тонкой красной ниткой на запястье. Латунный ключ под тканью тихонько звякал, хотя она не двигалась.

— Лика, отойди, — прошептал я.

— Он ждёт, пока его признают. Потом станет тяжёлым.

— Насколько тяжёлым?

— Как настоящий.

Снаружи скрипнуло дерево. Кто-то приложил ладонь к двери и медленно повёл пальцами сверху вниз. Доски прогнулись. Не от удара — от веса человека, которого минуту назад там будто не было.

— Мам, ты слышишь меня? — произнесла копия. — Ты ведь всегда говорила, что у тебя один ребёнок.

От этих слов у меня перехватило горло.

Потому что мать и правда так говорила. После исчезновения Милы. Каждый раз, когда я пытался доказать ей обратное.

— Кто с тобой рядом, Ян? — спросила она.

Я увидел, как Рада побледнела. Она подняла свободную руку и отрицательно покачала головой.

— Никто, — сказал я. — Я один.

— Неправда, — произнесла копия. — Мы вдвоём.

На железном крючке около двери качнулся запасной круг. Его тень скользнула по стене и на мгновение стала похожа на петлю.

Мать шумно выдохнула.

— Я не понимаю, кто из вас звонит.

— И не надо, — ответил я. — Мам, скажи только одну вещь. Что ты сейчас никого не видишь.

— Но я тебя слышу!

— Слышать и видеть разные вещи. Я три года работаю в муниципальной службе, и это единственный факт, который нам удалось подтвердить.

— Ян, прекрати шутить.

Она произнесла это своим обычным усталым голосом. И в нём было столько знакомого, что меня почти подкосило.

— Скажи, — попросил я.

— Я никого не вижу, — неуверенно повторила мать.

За дверью что-то с треском отлепилось от дерева.

Копия резко заскребла ногтями по доскам.

— Не слушайте его. Он не существует в первичном реестре. Я существую. Меня уже видели трое.

— Вот именно, — пробормотала Рада. — Трое.

— Двое из них люди? — спросил я.

— Не знаю.

Она шагнула к задней стене сарая, где под ржавым брезентом стояли бочки для аварийной промывки причала. Сдёрнула крышку с ближайшей. Внутри плескалась дождевая вода.

— Не открывайте, — предупредила Лика. — Не сейчас.

— А у тебя есть другой план? — спросил я.

— Есть. Перестань думать, что он пришёл за тобой.

В этот момент снаружи мой голос произнёс так тихо, что я едва расслышал:

— Мне нужна девочка. Ты мне не нужен.

Я посмотрел на Лику.

Она взялась за красную нитку, будто готовилась разорвать её. Но вместо этого подняла глаза и сказала:

— Вот теперь можно.

Рада рванула задвижку.

Дверь распахнулась наружу, ударила кого-то — и не встретила сопротивления. На пороге стоял я.

Не похожий на меня человек. Не белый Корректор в моей куртке. Именно я: разбитая бровь, грязные волосы, кровь на воротнике, чёрная линия на левой ладони. Даже маленькое пятно от кофе на рукаве было на месте.

Только на моём лице снаружи не было усталости.

Я никогда ещё так сильно себе не завидовал.

Копия улыбнулась Лике.

— Пойдём домой.

— Ты даже не знаешь, где он, — сказала девочка.

— Узнаю, если ты назовёшь адрес.

Я двинулся, чтобы закрыть её собой, и двойник в точности повторил движение. Мы оказались друг напротив друга на расстоянии шага, два человека с одной и той же больной ногой и одинаково скверным чувством юмора.

— Вышло неловко, — сказал я. — А я как раз думал найти подработку.

Копия внимательно посмотрела мне в глаза.

— Ты не помнишь, что сказала Мила, когда уходила из кухни.

Улыбаться расхотелось.

— Заткнись.

— Она сказала: «Один раз выбери меня, а не свою работу».

Я знал, что этих слов не помню. Знал, что за первый черновик заплатил именно последним разговором. И всё равно на секунду захотелось поверить.

Это была идеальная ловушка: кто способен отличить правду от лжи, когда у него украли возможность проверить?

— Ты это видел? — спросил я.

— Я это прожил, — ответил он.

И протянул руку к Лике.

Рада опрокинула бочку.

Вода ударила по порогу, растеклась под ногами двойника. Его ботинки остались на месте, зато отражение в луже отстало на несколько мгновений. Я увидел в воде не своё лицо. Там было пустое овальное место, обведённое тонкими карандашными штрихами, как на листе с незаконченной фотографией.

Двойник потянулся к девочке ещё раз, но ступня провалилась сквозь мокрый щебень. Он резко отшатнулся. Его паль-

цы раскрылись плоскими веерами, а потом снова стали человеческими.

— Закрывай! — крикнула Рада.

Я дёрнул дверь. Багор вошёл в скобу замка, словно его специально изготовили для этой цели. С той стороны ударили кулаком. Багор согнулся, но выдержал.

— У него моё лицо! — выдохнул я.

— Зато у тебя мои ключи, — ответила Рада. — Не проигрывай по всем пунктам.

Она отодвинула ящик у задней стены. За ним открылся низкий люк, через который раньше вытаскивали промокшие канаты. Оттуда пахло тиной и ржавчиной.

В дверях заскрежетало дерево.

— Быстро, — сказала Лика.

Мы выползли через люк на бетонный спуск к воде. Я пропустил девочку первой, затем Раду и вылез последним, волоча болторез, медную ленту и остатки человеческого достоинства.

Внутри сарая раздался громкий треск. Багор не выдержал.

Мы побежали вдоль берега, пока старый вокзал не заслонил сарай. Я дважды оглянулся. Никто не преследовал нас.

Но когда мы выбрались на набережную, мой телефон, всё ещё зажатый в ладони, сказал голосом матери:

— Ян, ты с кем разговариваешь? Я тебя потеряла.

Я приложил его к уху.

— Мам, всё хорошо. Ты закрыла дверь?

— Да. Но кто-то опять звонит в квартиру. С телефона, у которого номер как у тебя. И я…

— Что?

Она понизила голос:

— Я слышу, как он ходит у меня на лестнице.

Я остановился так резко, что Рада едва не налетела на меня.

Весь Ластов находился между сараем и материнской квартирой. По земле оттуда невозможно было добраться за минуту.

Лика не удивилась.

— Он не бегает, — сказала она. — Его передают.

— Как посылку? — спросил я.

— Как правильный ответ.

. . .

Рада отыскала свою серую «Ладу» там, где оставила её ещё до вылазки в почтамт: под глухим навесом возле заднего въезда старого почтамта, за двумя контейнерами для стекла. Мы добирались туда переулками, где утренний мусоровоз выглядел самой здоровой формой государственной власти.

Из-за спинки водительского сиденья Рада вынула тряпку, а из неё — красный пакет с архивной карточкой. Я следил за её руками. После всего, что произошло, мне вдруг стало очень важно знать, где лежат вещи, а не просто надеяться на

их существование.

— Так ты знаешь, где перепись? — спросил я.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Но знаешь, что она существует.

— Знаю, как выглядели старые списки. Не знаю, где хранят новые.

— Очень удобно различать прошлое и настоящее, когда они в вашем городе постоянно меняются местами.

Рада сняла с крючка под рулём маленькую связку ключей. Между квартирным и автомобильным висел плоский стальной прямоугольник без зубцов. С одного края на нём было выбито «П. У.», с другого — «ДОПУСК Б».

Она сразу спрятала связку в кулак.

— Этот ключ от чего? — спросил я.

— От старого помещения.

— Какого?

— Которое закрыто.

— Спасибо. Я почти понял, почему ты диспетчер, а не экскурсовод.

Лика сидела на заднем сиденье и пыталась натянуть на мокрые босые ступни найденные под сиденьем толстые носки. Один был зелёным, другой розовым. Они доходили ей почти до колен.

— Вы оба врёте, — заметила она.

— Я-то чем? — обиделся я.

— Ты говоришь себе, что успеешь спасти того дядю до завтра.

Я замолчал.

Рада быстро завела двигатель.

На приборной панели загорелось 04:21.

До следующей сверки оставалось чуть больше двадцати двух часов. Глеб был в Поле 4, Федя что-то считал, а кто-то с моим голосом уже добрался до маминой лестницы.

Удобное расписание. Оставалось только добавить стоматолога.

— Куда едем? — спросил я.

Рада вырулила на пустую улицу.

— К человеку, которого в городе ещё нельзя вычеркнуть.

— Почему?

— Потому что он занимается учётом тех, кого уже вычеркнули.

— Звучит как хорошая пенсионная программа.

Она взглянула в зеркало.

— Главное — когда увидишь список, ни в коем случае не называй людям время их смерти.

— С каких пор ты так заботишься о психическом здоровье прохожих?

— С тех пор как однажды назвала.

На этом разговор закончился.

. . .

Промышленный квартал на юге Ластова просыпался раньше остального города. Здесь даже рассвет, казалось, оформляли по сменному графику. Из пекарни вывозили лотки с хлебом, у молокозавода разогревали грузовики, а за воротами комбината ритуального обслуживания уже курили два водителя в чёрных куртках.

У въезда висел плакат: «МЫ ПОМНИМ КАЖДОГО».

Очень смелое обещание для Ластова.

— Это похоронное бюро, — заметил я.

— И типография, — ответила Рада. — Главным образом типография.

— А, тогда всё в порядке. Можно не бояться. Газеты же никогда никого не хоронили раньше срока.

Мы обошли здание по узкому проезду. Сзади вместо гаражей стоял низкий кирпичный корпус с закопчёнными окнами. Из вентиляционных решёток выходил тёплый воздух, пахнущий типографской краской и мокрым картоном. Над служебным входом тускло светилась табличка «НОЧНОЙ ВЫПУСК».

Рада постучала один раз, выждала, затем дважды коротко ударила каблуком о порог. Изнутри послышалось:

— Если с заказом венков, приходите после шести. Если умирать — тоже после шести. У нас обед.

— Агата, — сказала Рада. — Это Лис.

Дверь немедленно открылась.

Женщине на пороге было лет тридцать восемь. Каштановые волосы она собрала в узел на затылке карандашом, на щеке белела полоска бумаги, а от большого пальца правой руки до локтя тянулся след чёрной типографской краски. На ней был фартук с надписью «ТВОЁ ВРЕМЯ ЕЩЁ ПРИДЁТ» и очень неприятным красным пятном под последним словом.

Она посмотрела на Раду так, словно та была неоплаченным счётом.

— Тебя не было семь лет, — сказала женщина.

— Шесть, — ответила Рада.

— Семь. Я веду учёт. И не надо объяснять, почему ты пришла с ребёнком без обуви. Когда ты приходишь с объяснениями, кто-нибудь исчезает.

— Это Ян. А это Лика.

— И что? Я должна обрадоваться? У нас сейчас тариф на детей не предусмотрен.

— Нам нужен список досрочной убыли.

Женщина перестала жевать зубочистку. Выплюнула её в ладонь и медленно закрыла дверь за нами.

— Зови меня Агатой Беляевой, — сказала она мне. — И никогда не говори у меня в цеху, что кто-то умер, пока не увидишь тело. В прошлом месяце пришлось перепечатывать восемнадцать некрологов. Это дороже, чем совесть.

— А совесть у вас в прайсе есть?

— Нет. Не прошла сертификацию.

Я окончательно понял, что начинаю уважать её.

Внутри стояли настоящие печатные машины. Огромные старые цилиндры, валки, коробки с литерами. На стенах висели плакаты: «СОБЛЮДАЙ ТЕХНИКУ БЕЗОПАСНОСТИ» и «НЕ ЗАПУСКАЙ МАШИНУ С ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ». Второй выглядел менее обычным, особенно из-за фотографии руки, превращённой на снимке в россыпь букв.

На одном столе сохли объявления о продаже квартиры. На другом — готовые некрологи с фотографиями, датами и местами прощаний.

Агата заметила, куда я смотрю.

— Мы печатаем всё. Люди больше не покупают газет. На мёртвых спрос постоянный.

— Вы ведёте перепись?

— Нет. Мы получаем её результаты. С ночной сводкой приходит рулон: кто выбыл, где, во сколько, какой причиной оформить. Утром я обязана передать похоронным службам готовые карточки.

— Но ночь ещё не закончилась.

Агата кивнула.

— Вот в этом и неприятность.

Она взяла со стола лист, протянула мне. На нём стояла фотография пожилого мужчины в клетчатой рубашке. Под снимком — фамилия, дата рождения и строка: «ПРОЩА-

НИЕ СОСТОИТСЯ В ПЯТНИЦУ». В правом верхнем углу была проставлена сегодняшняя дата смерти.

— Я его знаю, — сказала Агата. — Он каждое утро покупает булочки у моего брата. Через двадцать минут пойдёт туда снова.

— Но печатаете объявление.

— Раньше не печатала. Один раз задержала машину до подтверждения из морга. На следующий день проснулась, и моей младшей сестры не стало в семье. Фото есть, одеяло есть, а вместо имени — пустота. Я не знаю, связаны ли эти события. И не хочу проводить второй опыт на родственниках.

Я сжал лист.

Восемнадцать часов назад мне казалось, что хуже всего — самому забыть близкого человека. Теперь передо мной стояла женщина, которая помнила о сестре только благодаря предметам и боялась ещё раз сказать системе «нет».

— Мы можем получить рулон? — спросил я.

Агата засмеялась без веселья.

— Ты вообще понимаешь, что просишь?

— Пока нет. У меня эта ночь началась с чайника. Я сильно отстал от программы.

Она подошла к печатному станку. Вместо бумаги в него входила прозрачная тонкая лента. На поверхности были десятки крошечных отверстий. Похоже на старую перфоленту, только прорези складывались в строки, а не в машинный код.

— У нас три экземпляра, — объяснила Агата. — Электронный, который после сверки меняется у всех одновременно. Бумажный, который меняется чуть позже. И этот. Контрольный. Его не должно быть. На старой машине отверстия прожигает иглой до того, как приезжает официальный пакет. Их нельзя залить чернилами и переименовать. Можно только уничтожить весь рулон.

— Почему его до сих пор не уничтожили?

Агата посмотрела на Раду.

— Потому что кое-кто когда-то научил меня хранить то, что не помещается в отчёт.

Рада не ответила.

— А если я хочу найти конкретного человека? — спросил я. — Глеб Сухов. Удержание в Поле 4.

На лице Агаты не появилось узнавания. Но при словах «Поле 4» её пальцы на миг сжались.

— У нас не хранят изъятых. У нас печатают будущих отсутствующих. Только тех, кто пока ещё ходит по улицам.

— Значит, эта штука — прогноз?

— Если бы прогноз. Люди проигрывают прогнозам, потом удивляются. Эти записи ведут себя иначе. В прошлом году здесь напечаталось, что мужчина погибнет в лифте. Его сын не пустил его в подъезд, держал до полуночи за руку. Мужчина остался жив. На другой день исчез лифт — весь, вместе с семью квартирами, в которые он вёл. Город исправил не событие, а расхождение.

— Сколько людей было в этих квартирах?

— Я не знаю, — ответила Агата. — Это самое страшное. Никто не знает, сколько там было людей.

Она включила лампу над столом.

На стене висел большой лист с коротким правилом, написанным от руки:

«СПИСОК НЕ УБИВАЕТ. СПИСОК ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ БЫЛО КОГО УБИТЬ».

— Что мне сделать, чтобы получить копию? — спросил я.

— Сначала докажи, что видишь то, что здесь напечатано. Пойдём.

. . .

Агата провела нас в маленькую комнату за цехом. Там стояли настольная лампа, механический резак и старая машина для тиснения. На стене рядом с часами висела детская фотография: девочка с косами в белом платье стояла у надувного бассейна. Там, где должны были быть её ноги, на снимке остались две маленькие тёмные вмятины. Кто-то вырезал девочку не до конца.

Агата поймала мой взгляд и молча повернула фотографию лицом к стене.

Затем протянула прозрачную ленту сквозь металлическую рамку. Включила боковую подсветку. На столе появились буквы, составленные из теней отверстий.

Я прочёл верхнюю строку:

«ДОСРОЧНАЯ УБЫЛЬ. СВЕРКА 02:47. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ».

Ниже шли имена. Не десять и не сто. Тысячи мелких строк. Агата прокрутила рулон всего на ладонь, и я увидел, что у каждого имени есть адрес и время.

04:57. 05:03. 05:09.

Время смерти.

Некоторые строки были перечёркнуты. Возле них стояло: «ФАКТ ПЕРЕНЕСЁН» или «ЗАМЕНА ПРИЧИНЫ». В графе «ПОДТВЕРЖДЕНО» — маленькие знаки, похожие на оттиск семи колоколов.

— Сколько здесь человек? — спросил я.

Агата нажала на счётчик.

— За эту ночь — четыре тысячи сто восемьдесят три.

Слова не сразу обрели смысл. Я попытался представить четыре тысячи людей. Столько болельщиков помещается на небольшой трибуне. Столько пассажиров бывает на вокзале перед праздником. У каждого есть свой завтрак, неоплаченный счёт, старая фотография, кто-нибудь, кому он обещал позвонить.

И кто-то заранее решил, что сегодня всё это можно вычеркнуть.

— А город? — спросил я. — Сколько жителей в Ластове?

— Последняя официальная цифра — двести девяносто две тысячи, — ответила Агата. — Вчера было двести девя-

ностo три. Они не любят обнародовать поправки.

Лика подошла ближе к столу. Посмотрела на ленту так, будто пыталась узнать почерк знакомого человека.

— Они опять начали с утра, — сказала она.

Агата повернулась к ней.

— Опять?

Лика ничего не ответила.

Я смотрел на список и чувствовал, как холодеют ладони. На самом деле это было не ужаснее здания на улице Семи Колоколов. Там пытались удалить нас троих. Здесь — целый город по частям. Просто масштаб угрозы ещё не успел обрести лицо.

И тут лицо появилось.

Возле строки «05:18» я увидел имя:

«МИРОНОВ ТИМУР ОЛЕГОВИЧ. 17 ЛЕТ. ПЕШЕХОДНЫЙ ПЕРЕХОД У ТРАМВАЙНОГО ДЕПО № 2. ПРИЧИНА: НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ С ТЕХНИЧЕСКИМ ТРАНСПОРТОМ».

— Это через сколько? — спросил я.

Агата взглянула на часы.

— Двадцать шесть минут.

— А если предупредить?

— Не называй ему время. Если человек узнаёт о записи, город начинает устранять сопротивление заранее. Так проще получить нужный результат. Иногда — вместе с теми, кто предупредил.

— Откуда ты знаешь?

Рада тихо сказала:

— Я ей рассказала.

Я посмотрел на неё.

— То есть ты знала, как устроена перепись, умела найти человека, который хранит её копию, но сказала, что не знаешь, где списки.

— Я сказала, что не знаю, где хранят новые, — ответила Рада.

— А вот эту комнату ты считала старым помещением?

Агата резко втянула воздух.

— Лис, — произнесла она, — ты ему ещё не сказала?

— Не сейчас.

— А когда? Когда он поставит подпись вместо тебя?

Рада побелела так, словно Агата ударила её по лицу.

Я медленно повернулся к Агате.

— Какую подпись?

Она выдвинула нижний ящик стола. Из него достала карточку с тиснёной эмблемой семи колоколов. В графе «СОСТАВИТЕЛЬ» стояло:

«ЛИС РАДА МАКСИМОВНА. СТАРШИЙ ПЕРЕПИСЧИК. ДОПУСК Б».

Ниже было выбито: «ДОСТУП К ПЕРВИЧНЫМ СПИСКАМ: ДЕЙСТВУЮЩИЙ».

За спиной кто-то шевельнулся. Лика сняла с ноги розовый носок. Латунный ключ на её запястье слегка завибрировал.

— Я ведь спросил, знаешь ли ты, где перепись, — сказал я.

Рада встретила мой взгляд.

— Знаю, — ответила она. — Я соврала.

Это прозвучало хуже любого оправдания.

— Зачем?

— Потому что, если бы ты узнал, что я была переписчиком, ты бы спросил, скольких людей я внесла в список.

— И скольких?

Она не ответила.

Ответом послужил тяжёлый стук печатного станка в соседнем зале.

С потолка донеслось знакомое:

Три коротких металлических удара. Пауза. Ещё один.

Агата вскинула голову.

— Так у нас машина не работает, — прошептала она.

Рада схватила карточку с её именем и повернула обратной стороной.

На ней проступали свежие цифры: «ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУП: СЕГОДНЯ, 04:06».

— Этого не может быть, — произнесла Рада. — В четыре ноль шесть мы были в сарае.

Я вспомнил своё лицо за дверью. Моё отражение, отстающее от движения. Голос, который успевал произнести мои слова раньше меня.

И впервые подумал, что копия может не только занять чу-

жое место.

Она может сделать от твоего имени то, чего ты ещё не совершал.

. . .

Из соседнего зала донёсся новый удар.

На этот раз не четыре отдельных стука, а сухой, деловитый стук печатающего механизма. Как будто кто-то очень быстро набирал заявление, не собираясь дожидаться согласия адресата.

Агата вылетела в цех. Мы бросились за ней.

Печатный станок работал сам.

Большой цилиндр медленно поворачивался, хотя электромотор был выключен. На выходе выползала полоска плотной белой бумаги. На ней проступали слова, которых никто не набирал.

«ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ».

Ниже:

«ГРАЧ ЯН. ЗАМЕНА ДОПУЩЕНА».

И совсем мелко:

«ОСНОВАНИЕ: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СТАРШЕГО ПЕРЕПИСЧИКА ЛИС Р. М.».

Рада не пошевелилась. Я видел, как на её лице сменяются выражения. Сначала страх, потом злость, потом что-то хуже обоих: понимание, кто мог это устроить.

— Это не моя подпись, — сказала она.

— Но допуск твой, — ответила Агата.

— Да.

— И другого такого нет.

Механизм выплюнул ещё один лист.

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ СТАТУС СУБЪЕКТА: ЯВИЛСЯ».

Я посмотрел на свою ладонь. Чёрная черта потемнела, будто под кожей кто-то провёл грифелем.

— Если я допущен к замене, — сказал я, — какая версия останется?

Никто не ответил.

Ответ лежал на самом станке. Он уже напечатал одну фотографию: моё лицо, совершенно чистое, без грязи и разбитой брови. Похоже, у моего заменителя появилось время привести себя в порядок.

Лика вытянула руку к фотографии.

— Не трогай, — резко сказал я.

— Я и не собиралась. Просто хочу посмотреть, сколько у него тени.

Под лампой снимок отбрасывал две тени. Одна была прямоугольной, обычной. Вторая — в форме маленькой человеческой головы.

Агата ударила рычагом аварийного останова. Цилиндр продолжил вращаться.

— Отключи питание! — крикнула Рада.

— Оно отключено!

Я подошёл к столу, ухватился за ту самую бумагу и попробовал потянуть назад. Лист сопротивлялся. Совершенно не по-бумажному: кто-то с другого конца держал его двумя руками.

В чёрной черте на ладони кольнуло.

«ОБНАРУЖЕНА ПОПЫТКА ПОДМЕНЫ СУБЪЕКТА».

«ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРИСУТСТВИЯ: НЕДОСТАТОЧНО».

«РЕКОМЕНДАЦИЯ: ПОДТВЕРДИТЬ ТЕКУЩИЙ ВАРИАНТ».

Подтвердить. Одно слово, от которого в Ластове разрушались дома.

— Ян, отпусти! — крикнула Рада.

— А если не отпущу?

— Тогда он протащит тебя через печать!

Я разжал пальцы.

Бумага хлестнула по валу. На её белой поверхности остался отпечаток моей ладони — с чёрной линией и маленьким квадратом. И машина остановилась.

Агата медленно выдохнула.

— Раньше у меня здесь печатали приглашения на свадьбы, — сказала она. — Приглашённые хотя бы приходили добровольно.

Рада схватила последний лист и сложила его вчетверо.

— Нам нельзя оставаться. Он ищет место, где его признают за Яна. Теперь ещё и печатает доказательства.

— Погоди, — сказал я. — А Тимур Миронов?

— Ян…

— Он пока жив. В списке написано «05:18». Сейчас четыре пятьдесят четыре. Если нам нужны доказательства, лучше живого парня я ничего не придумаю.

Агата взглянула на счётчик рулона.

— Важно не только вынуть его из-под машины, — сказала она. — Нам надо зафиксировать расхождение. Иначе к следующей сверке список сделает вид, что спасать было некого.

— Как?

Она открыла тяжёлый железный шкаф под столом. Вынула узкий переносной регистратор, похожий на аппарат для пробивки билетов в трамвае. Впереди торчала латунная пластина с круглым окошком для часов. Снизу висела катушка тонкой жёлтой бумаги.

— Фактическое присутствие, — объяснила Агата. — Самая бесполезная форма в муниципалитете, пока не требуется доказать, что перед тобой живой человек. Три свидетеля. Одна минута. Печать с допуском старшего переписчика.

Она посмотрела на Раду.

— Твой допуск ещё действует. Вопрос, решишься ли ты им воспользоваться после того, что произошло в прошлый раз.

Рада взяла аппарат.

— Решусь.

— И если подтвердите живого, что будет дальше? — спросил я.

Агата придвинула к себе ленту.

— Система не сможет списать его как безусловную убыль до следующей сверки. Запись станет спорной. Это не победа над смертью, мальчик. Это отсрочка с квитанцией.

— Отлично. Квитанциям я доверяю больше, чем обещаниям.

Я посмотрел на Агату. Она видела, сколько человек осталось в списке. Знала об опасности и всё равно отдала регистратор.

— Ты поедешь с нами?

— Я должна остаться у контрольной ленты. Если исчезну я, её либо перепишут, либо сожгут. И ты вернёшься за доказательствами в пустую комнату.

Она достала из ящика старую фотоплёнку и накрыла ею небольшой участок ленты, где были видны имена и часы. Прижала валиком, затем завернула в чёрную бумагу и отдала мне.

— Здесь двадцать три записи. Среди них Миронов. Оригинал оставлю под стеклом. Сличишь после спасения.

— Спасибо.

Агата вдруг схватила меня за рукав.

— Если увидишь на улице мужчину, который говорит, что не помнит, как дошёл до дома, не спрашивай фамилию. Уве-

ди его с перекрёстка. Вся эта перепись начинается с мелких подмен. Люди пропадают не в тот момент, когда их забирают. Раньше. Когда становится удобно считать, что они уже ушли.

— Понял.

— И ещё. Если спасёте парня, пусть он сам скажет, что жив. За него никто не должен произносить эту фразу. Даже мать.

Лика подняла лицо.

— Особенно мать, — тихо повторила она.

Я вспомнил, как снаружи сарая мой голос просил маму признать его.

Мне очень не понравилось, насколько хорошо складывались кусочки этой головоломки.

. . .

Трамвайное депо номер два находилось возле старого путепровода. До него мы добрались за одиннадцать минут. Водители первого рейса уже разбредались по платформам с термосами, контролёры курили под навесом. Обычная жизнь бодро делала вид, будто в городе не запланировано четыре тысячи смертей.

Рада припарковалась у ограждения. Время на часах: 05:02.

— Шестнадцать минут, — сказал я.

— Ты бы ещё обратный отсчёт на лбу написал, — огрызнулась она.

— Хорошо. Буду паниковать внутри.

Мы прошли вдоль забора, по которому красной краской было выведено «НЕ ПЕРЕЛЕЗАТЬ». В ста метрах от ворот раздавался визг металла: ремонтники выталкивали из ангара старый служебный вагон без пассажирских окон. За вагоном цеплялась тележка с инструментами. По путям шёл мальчишка в ярко-синей толстовке, с большими наушниками на шее. В руках он нёс бумажный стакан с кофе и коробку с саморезами.

— Тимур? — позвал я.

Он обернулся.

— Вы ко мне?

— Да. Нам нужен… — Я заметил, как Рада стиснула переносной регистратор. — Один человек с такими же наушниками. Ты Тимур Миронов?

— Ага. А что?

— У тебя смена?

— Первая. Практика. Я пока больше ношу кофе, чем работаю. Если это проверка трудовой инспекции, то кофе — учебный.

Я почувствовал почти физическое облегчение: он был реальным, живым, испуганным ровно настолько, насколько следует быть, когда к тебе у пяти утра пристают незнакомцы.

— Слушай, Тимур. Очень важно, чтобы ты сейчас вышел

за ворота. Минут на двадцать. Мы объясним мастеру.

— Вы кто вообще?

— Городская целостность.

— А это что?

— Организация, которая начинает любить людей сразу после того, как они пропадают.

— Я никуда не пойду. Меня уволят.

Он развернулся.

В тот же миг под ногами глухо дрогнули рельсы.

Я обернулся к вагону. Ремонтники отпустили тормозной башмак, собираясь перекатить состав на соседний путь. Но стрелка впереди не была переведена. Вагон начал двигаться в сторону перекрёстка, а его тяжёлая инструментальная тележка — расходиться на сцепке.

— Эй! — крикнул один из ремонтников. — Стоп!

На вагоне с лязгом сорвался трос.

Тележка покатилась отдельно.

Прямо туда, где стоял Тимур.

— Ложись! — заорал я.

Он обернулся не на мой голос, а на звук металла. У него были считаные секунды. Я схватил его за воротник и швырнул в сторону забора. Он упал, ударившись плечом о бетон.

Тележка пролетела мимо нас.

Я уже успел подумать, что всё обошлось.

Это была моя любимая ошибка.

На пути тележки оказалась старая рама с запасными рель-

сами. Удар поднял её передний край, как дверцу ловушки. Стальная балка, толщиной с мою ногу, пошла вниз. Не на Тимура.

На женщину в оранжевом жилете, которая вышла из диспетчерской проверить шум.

На миг перед глазами раскрылся чёрный прямоугольник.

«НАЙДЕНЫ ОТВЕРГНУТЫЕ ВАРИАНТЫ ПОСЛЕДНИХ 13 СЕКУНД».

«ДОСТУПЕН ЧЕРНОВИК № 3: ВЫ НЕ ТРОНУЛИ МИРОНОВА. ВЫ ПЕРЕХВАТИЛИ ТЕЛЕЖКУ У СТРЕЛКИ».

«ВОЗМОЖНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ: ОБЪЕКТ «МИРОНОВ» СОХРАНЁН».

«ЦЕНА ПРАВКИ: ВОСПОМИНАНИЕ О ГОЛОСЕ ГЛЕБА СУХОВА В ПОСЛЕДНЕЙ СОВМЕСТНОЙ СМЕНЕ».

Время замедлилось. Я увидел женщину. Тимура, лежащего у забора. Балку на полпути к её голове. И протянутую мне возможность снова изменить уже принятое решение.

Глеб был человеком, которого весь город больше не помнил. Его голос я ещё мог восстановить в памяти. То, как он ворчал на цену сахара. Как говорил «разбойник в металлической коробке» каждому счётчику. Как однажды признался, что после исчезновения Феди боялся даже детского смеха в телевизоре.

Если сейчас отдать этот голос, что от Глеба останется во мне?

Четыре секунды.

Три.

«РЕЗУЛЬТАТ НЕ ГАРАНТИРОВАН».

Ну разумеется.

Я увидел кое-что ещё: тормозной башмак, выброшенный из-под колеса. Он лежал у самого основания поднятой рамы.

Не надо менять прошлое, чтобы изменить направление тяжести.

Два.

— Отказ, — подумал я.

«ОТКАЗ ОТ ПРАВКИ ПОДТВЕРЖДЁН».

Мир снова стал быстрым.

Я прыгнул к раме и ударил болторезом по железному башмаку. Тот скользнул по бетону и попал под падающую опору.

Балка всё равно рухнула. Только теперь её дальний конец врезался в грунт на полметра левее женщины. Металл с визгом проскрёб по её каске, сорвал её с головы и прижал край куртки к земле.

Женщина закричала.

Но закричала сама.

Это было главное.

Я упал рядом, ударился боком о шпалу и почувствовал, как по плечу потекло что-то тёплое. Болторез вывернуло из рук. Рельс звенел в нескольких сантиметрах от моего лица.

— Ты совсем идиот?! — закричала женщина.

— Да, — выдохнул я. — Но с подтверждённой квалификацией.

Над нами завыл тревожный гудок депо.

Тимур поднялся на ноги, схватился за плечо и подошёл ближе. Бледный, злой, живой.

— Это из-за вас? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Из-за меня ты пока можешь задать этот вопрос.

И посмотрел на часы.

05:17.

Одна минута.

Рада подбежала с регистратором.

— Парень, — сказала она Тимуру, — сейчас ты очень внимательно послушаешь и ни с кем не будешь спорить. Как тебя зовут?

— Тимур…

— Полностью.

— Миронов Тимур Олегович. Что происходит?

— Тебе семнадцать?

— Да.

— Ты хочешь остаться живым?

Он посмотрел на неё с таким изумлением, что даже забыл держаться за повреждённое плечо.

— Вообще-то да!

— Тогда скажи это вслух.

— Я хочу остаться живым.

— Не то. Скажи, что ты жив сейчас.

— Я жив! — выкрикнул Тимур. — Довольны?!

Маленький аппарат в руках Рады щёлкнул. За круглым окошком дрогнула стрелка. На жёлтой ленте появилась первая строка: «ПРИСУТСТВУЕТ. СОБСТВЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ».

— Теперь свидетели, — сказала Рада.

— Я, — ответил я.

Она нажала на рычаг. Щёлкнуло.

— Я, — хрипло сказала женщина в оранжевом жилете, освобождая куртку из-под балки.

Ещё один щелчок.

К нам подбежал седой мастер с гаечным ключом в руке. Вначале он хотел кричать о нарушении техники безопасности. Потом увидел кровь на моём плече, разбитое лицо Тимура и женщину, которая едва не стала плоской, и ограничился деловым:

— Что случилось?

— Подтвердите, что мальчик здесь, — сказала Рада.

— Так я его вижу!

— Вслух.

— Вижу. Миронов. На практике. Живой. И пока я не узнаю, какого чёрта творилось на путях, увольнять его не собираюсь.

Регистратор клацнул последний раз.

На его передней панели появился красный значок: «ТРЕБУЕТСЯ ПОДПИСЬ ОПЕРАТОРА».

Часы депо показывали 05:18.

На секунду я перестал дышать.

Рада вынула стальной прямоугольник с надписью «ДОПУСК Б» и вставила в щель регистратора. Бумага натянулась, как тонкая струна. Аппарат резко дёрнулся в руках.

— Рада! — крикнул я.

На латунной пластине проступили буквы: «ЛИС Р. М.».

— Подтверждаю фактическое присутствие, — отчётливо произнесла она. — Исполнитель: Рада Лис. Ответственность принимаю.

Стрелка перепрыгнула через красную отметку. Из аппарата вышла длинная жёлтая квитанция с тремя подписями-свидетельствами, отпечатками времени и настоящей дырой посередине. Не чернильной, не нарисованной. Просто круглой пустотой, из которой шёл холод.

Рада оторвала квитанцию.

— Держи, — сказала она Тимуру. — Не отдавай никому, даже если будут говорить, что это бумажка не имеет силы. Особенно тогда не отдавай.

— Да что за…

Он посмотрел в отверстие.

За ним было видно не мою куртку, не бетонный забор. За дырой стояла другая улица — с чёрным снегом и множеством людей, которые молча смотрели вверх. Издалека доносился детский счёт.

Три.

Два.

Один.

Тимур выронил квитанцию. Я успел поймать её до земли.

— Теперь веришь, что мы не из трудовой инспекции? — спросил я.

Он кивнул.

— Тогда слушай. Возьми бумагу, уйди с территории и до вечера не оставайся один. Не называй незнакомцам свою фамилию. И если кто-то скажет, что ты умер, не спорь о подробностях. Просто скажи, что ты здесь.

— Это розыгрыш?

Я посмотрел на разбитое плечо, на рельс, на женщину, которая уже обнимала его с такой силой, будто он был её собственным сыном.

— Очень плохой, — сказал я. — Но пока ты выиграл.

За нашей спиной на электронном табло трамвайного депо мигнуло расписание первого маршрута. На одну секунду вместо названий остановок появился текст:

«МИРОНОВ Т. О. — ФАКТ ОСПОРЕН».

Потом буквы исчезли.

Я повернулся к Раде.

— Сработало?

Она смотрела на табло.

— До следующей сверки — да.

— Значит, одного мы спасли.

— Одного мы не дали списать без разбирательства. Не путай.

Я хотел сказать, что ей всегда удаётся испортить праздник, даже если весь праздник состоит из того, что семнадцатилетний парень ещё дышит. Но в этот момент телефон завибрировал.

На экране было имя Агаты.

. . .

— Рулон изменился, — сказала она вместо приветствия.

На заднем плане гудела печатная машина. Теперь это был обычный шум работающего мотора, но после увиденного я не доверял даже звуку собственной стиральной машины.

— Тимур жив, — ответил я.

— Знаю. У него отметка «оспорен». Я такого не видела шесть лет.

Я невольно улыбнулся.

— Похоже, муниципалитету придётся разбирать жалобы. У них есть для этого срок?

— До 02:47. И, Ян, я сейчас скажу кое-что, что тебе не понравится.

— Список слишком длинный? Я уже видел.

— Не в этом дело. После вашего акта появился новый блок. Не в перечне убыли — в служебных указаниях. Он называется «СКЛАД ВАРИАНТОВ». Доступ открыли сегодня в 04:06 по допуску Рады.

Я посмотрел на Раду. Она слышала каждое слово.

— Мы не были у тебя в четыре ноль шесть.

— Я понимаю. Поэтому говорю. На том листе, который твой двойник напечатал у меня в цеху, есть код доступа. Я его проверила на старом регистраторе. Он ведёт не к службе уточнений. К подземному хранилищу под кварталом бывших железнодорожных мастерских.

Рада тихо выругалась.

— Оно должно было закрыться, — сказала она.

— Закрывалось, — ответила Агата. — Уже девять раз.

Я почувствовал, как по спине проходит холод.

Девять.

Лика в первом доме сказала, что я умирал девять раз.

— Что там хранится? — спросил я.

— Сохранившиеся исходы, которые город не выбрал. Неверно открытые двери. Неотправленные сообщения. Поезда, на которые никто не сел. Люди, которые успели прожить свои последние секунды иначе. Если кто-то хочет заменить тебя более удобной версией, он будет искать её там.

Я посмотрел на трамвайные пути. На мальчишку, которого сейчас уводили к дежурному медику. На женщину, с которой мы едва успели встретиться.

В голове всплыло выражение двойника: «Я это прожил».

Не «я помню». Не «я прочёл».

«Я это прожил».

— Агата, — спросил я, — он может быть человеком, которого я не выбрал?

— Не знаю. Но если его пропустили в основной список, он уже может доказать, что существует. А ты, насколько я понимаю, пока нет.

Раздался писк нового сообщения. Агата сделала короткую паузу.

— И ещё одно, — сказала она.

— Давай. Мне как раз не хватало катастроф для завтрака.

— Я сейчас нашла вашу запись. В перечне отсутствующих на следующую сверку тебя нет.

— Наконец-то хорошие новости.

— Там два других пункта. «ГРАЧ ЯН, ОРИГИНАЛ: НА ХРАНЕНИИ». И «ГРАЧ ЯН, ЗАМЕНА: ДОПУЩЕН К ПРИСУТСТВИЮ».

Я остановился посреди проезда.

— Что значит «оригинал на хранении»?

Агата ответила не сразу.

— Это значит, что в документах настоящий Ян Грач уже находится на складе. А тот, кто сейчас разговаривает со мной, официально проходит как вещь, которую ещё не вынесли.

Я посмотрел на себя — окровавленный рукав, чёрная линия на ладони, болторез на ремне. Всё было настоящим. Боль, холод, тяжесть. Но кто после сегодняшней ночи согласился бы подтвердить это справкой?

Рада протянула руку к телефону.

— Агата, вышли мне весь блок. И убери плёнку из-под

света. Они придут за оригиналом, как только поймут, что ты его прочла.

— У меня уже гости, — ответила Агата.

В трубке послышался стук в дверь. Один. Потом дважды коротко.

Рада побледнела.

— Агата, не открывай.

— Думаешь, я вчера родилась? — огрызнулась та. — Здесь три запасных выхода и ведро краски на каждого гостя. До связи.

Звонок оборвался.

Я убрал телефон.

— Нам надо вернуться за ней, — сказал я.

— Если поедем прямо сейчас, приведём всех преследователей к ней второй раз. Она знает, что делает.

— Вот это очень удобный ответ, когда кто-то остаётся один.

Рада не отвела взгляда.

— Ты прав. И мне не нравится, что он у меня есть.

Лика подошла ко мне и протянула руку. На красной нитке висел латунный ключ со словом «ЗАВТРА». Впервые за всю ночь я увидел обратную сторону его головки. Там был выгравирован крошечный знак — не буква, а семь точек, соединённых одной чертой.

Точно такой же знак я видел на контрольной ленте переписи.

— Это от склада? — спросил я.

— Не от двери, — ответила Лика.

— Тогда от чего?

Она посмотрела на пустой трамвайный вагон, который медленно выезжал из депо. В его окне на мгновение отразилось моё лицо.

Отражение улыбнулось раньше меня.

— От того, что вы там оставили, — сказала Лика.

Я не стал спрашивать, кто такие «вы». И без того начинал догадываться, что у меня было гораздо больше прошлых решений, чем я помнил.

На телефоне вспыхнула новая строка, хотя экран был заблокирован.

«СВЕРКА НЕ ЗАВЕРШЕНА».

«ПРАВО НА ПРАВКУ: 1 ИЗ 7 ИСПОЛЬЗОВАНО. ОСТАЛОСЬ: 6».

«СПОРНЫХ ФАКТОВ ПРИСУТСТВИЯ: 1».

«ВНИМАНИЕ: СУБЪЕКТ «ГРАЧ ЯН» ОБНАРУЖЕН В ДВУХ НЕСОВМЕСТИМЫХ ИСХОДАХ».

И ниже — строка, после которой я впервые по-настоящему захотел выбросить телефон в реку:

«ДО СЛЕДУЮЩЕЙ СВЕРКИ ПОДТВЕРДИТЕ, КАКОЙ ИЗ ВАС ДОЛЖЕН БЫЛ ВЫЖИТЬ».

Я показал экран Раде.

Она прочла, потом медленно посмотрела на Лику.

— Только не говори, — сказала Рада.

Девочка молчала.
— Лика, — повторила она, — ты знала, что их будет двое?
Лика покрутила ключ на красной нитке.
— Нет, — сказала она. — В прошлый раз их было трое.

Глава четвёртая
Секунда, которой не было

— В прошлый раз их было трое, — повторила Лика.

Из всех слов, которые можно услышать от девятилетнего ребёнка в пять утра, эти занимали уверенное место между «я проглотила батарейку» и «под кроватью кто-то живёт». Разница заключалась в том, что с батарейкой я хотя бы знал, куда звонить.

— Трое кого? — спросил я.

— Тебя.

— Уточни, пожалуйста, чтобы не возникло путаницы. Три Яна Грача или три человека, которые назывались Яном Грачом?

Лика посмотрела на меня с тем искренним утомлением, какое обычно бывает у учителя, вынужденного объяснять отличнику, что окно — не дверь.

— А это не одно и то же?

Рада тихо сказала:

— Не здесь.

Мы стояли у трамвайного депо. За ограждением механики пытались поставить на место сорванную тележку. Тимура Миронова увели к медику. Часы над проходной показывали 05:19, и каждую секунду мне хотелось поздравить их с удачным продолжением работы. Все прочие часы в этом городе вели себя подозрительно.

Я посмотрел на Раду. Она не отводила глаз от Лики.

— Ты знала про троих?

— Нет.

— Это ответ диспетчера или бывшего старшего переписчика?

— Ян.

— Мне просто нужно понять, за какой должностью закреплена ложь. Чтобы жалобу грамотно оформить.

Она провела ладонью по лицу. На костяшках пальцев у неё засохла кровь — ещё с почтамта. Рука дрожала, но совсем немного. Рада умела прятать страх так же тщательно, как документы. Удивительно, что он до сих пор не задохнулся в какой-нибудь папке.

— Склад вариантов, — сказала она. — Под бывшими железнодорожными мастерскими есть хранилище отвергнутых исходов. Если человек стоял на развилке и выбрал налево, иногда там остаётся то, что произошло бы, пойди он направо. В обычной жизни эти варианты исчезают. У нас их скла-

дывают на хранение.

— Почему?

— Потому что из них можно достать удобное доказательство. Человек не подписывал бумагу? Найди исход, в котором подписал. Не приезжал на место? Оформи прибытие оттуда, где приехал. Если есть печать и допуск, город не всегда различает, какой факт произошёл.

Я посмотрел на свой палец, которым только что листал список звонков. На экране больше не было ночного разговора с матерью. Разумеется. У нас телефонные операторы по сравнению с городом были образцом честного документооборота.

— И моя копия оттуда?

— Возможно.

— Значит, у него есть моя жизнь. А у меня — шесть правок, болторез и долг за квартиру. Неудивительно, что он хочет поменяться.

Лика вдруг взяла меня за рукав.

— Ты неправильно думаешь.

— Извини, привычка.

— Он не хочет твою жизнь. Он хочет, чтобы все признали, что его жизнь была первой.

Я открыл рот. Потом закрыл.

Слово «первой» прозвучало слишком точно. Как будто девочка видела страницу, на которой мы все были строчками, и показывала пальцем на порядок абзацев.

Рада достала телефон. На экране мигало сообщение от Агаты. Короткое, без приветствия: «У МЕНЯ ГОСТИ. ДВЕРЬ ДЕРЖУ. В СКЛАДЕ НЕ ВЕРЬТЕ ВРЕМЕНИ 04:06. ЭТО НЕ СЕГОДНЯ». Следом пришла фотография смятой бирки с номером 0000 и надписью «НЕВОСТРЕБОВАННОЕ ПРИБЫТИЕ».

— Агата ещё держится, — сказала Рада.

— Откуда знаешь?

— Она пишет без запятых, когда злится. Если начнёт ставить точки, поедем спасать.

В этот момент мой телефон зазвонил.

«МАМА».

Я ответил раньше, чем успел испугаться.

— Мам?

— Ты мне не скажешь, что происходит? — спросила она. — Мне под дверь подсунули записку.

— Какую?

— С твоим почерком. «Открой. Я замёрз». Ты в жизни так аккуратно не писал.

Я прижал телефон сильнее.

— Ты открыла?

— Нет. Я ещё помню, как ты в третьем классе написал объяснительную директору. В записке не было ни одной ошибки. Я сразу поняла, что это не ты.

Я почти засмеялся. Мама никогда не верила в мои способности, но сейчас эта черта характера неожиданно спасала

нам обоим жизнь.

— Не открывай. Закрой окна и никому не говори моё имя. Я скоро позвоню.

— А с работы ты мне позвонишь или из той истории, которую опять пытаешься не рассказать?

Я замолчал.

— Ян, — сказала она мягче, — если ты снова ищешь сестру, пожалуйста, не делай это один.

Я не сразу смог вдохнуть.

— Мам… Ты помнишь Милу?

Пауза. За ней послышался щелчок чайника.

— Кого? — спросила мать.

Я закрыл глаза. На какую-то секунду мне показалось, что она вспомнила. На самом деле она просто узнала по моему голосу, чего я боюсь.

— Неважно. Я приеду, как только смогу.

— Ты это уже сказал, — ответила она. — Час назад. Только тот Ян говорил почему-то так, будто читал с листочка.

Связь оборвалась.

Рада молча протянула мне из бардачка аптечку. Я хотел спросить, зачем, и только тогда увидел, что рукав у плеча снова потемнел от крови после происшествия в депо.

— Сначала перевяжем, — сказала она.

— А потом?

— Потом найдём секунду, которой не было. И попытаемся выяснить, почему она продолжает работать за нас.

Лика погладила латунный ключ под свитером.

— Только не открывайте то, на чём написано «оригинал».

— Ну вот, — сказал я. — Наконец нормальная инструкция. Короткая, понятная и совершенно бесполезная без объяснения.

Девочка отвела взгляд.

— Я объясняла. В прошлый раз.

. . .

Железнодорожные мастерские находились в северной части Ластова, за товарной станцией, которую закрыли ещё до моего рождения. Огромные кирпичные корпуса стояли за ржавой оградой, на ней висела свежая табличка: «ТЕРРИТОРИЯ НЕ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ. ВХОД ОПАСЕН».

На асфальте перед воротами были следы шин. Много. И не старые. Во времена, когда место официально не использовалось, сюда, должно быть, очень любили приезжать.

Рада остановила «Ладу» возле будки стрелочника. Часы на приборной панели показывали 05:43. Мой телефон — 05:42. Часы в будке, разглядеть которые удалось сквозь грязное стекло, — 05:41.

— Мы в правильном месте, — сказала Рада.

— Это ты по отсутствию здравого смысла определила?

— По времени. Чем ближе к хранилищу, тем хуже часы договариваются между собой.

Она сунула мне перевязочный бинт и приказала затянуть узел. Я затянул. Плечо отозвалось болью, зато кровь перестала пропитывать рукав. Болторез теперь висел на ремне. С ним я выглядел как человек, который пришёл грабить металлоприёмку и слишком поздно узнал, что она грабит в ответ.

В будке кто-то сидел.

Не сразу стало понятно, что это мужчина, а не очень удачно одетый манекен. Седой, худой, в форменной фуражке с потемневшей кокардой. Вместо левой руки у него был рукав, аккуратно подколотый булавкой. Правой он водил карандашом по толстому журналу.

— Будка закрыта, — сказал он, не поднимая головы.

— Нам нужно в отдел невостребованных прибытий, — ответила Рада.

Карандаш замер.

— Прибытие предполагает отправление.

— Мы не прибывали.

— Тогда чего пришли?

— Доказать, что не прибывали.

Мужчина поднял голову. Левый глаз у него был закрыт мутным бельмом, правый смотрел остро и зло.

— А. Постоянные клиенты.

Он вылез из-за стола, открыл дверь и увидел Лику. Лицо его изменилось. Не от удивления — от узнавания, какого не хотелось.

— Опять, — пробормотал он.

— Вы её знаете? — спросил я.

— Я вообще мало кого знаю. Удобно для работы.

Он показал на красный фонарь над входом в мастерские. Фонарь не горел, но в его стекле отражалась чья-то длинная тень. Никого под ним не было.

— Фамилии свои не называйте, — сказал сторож. — И ни с кем здесь не здоровайтесь первыми. У нас с вежливости половина несчастий начинается.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Для этой смены — Дежурный. Остальное мне уже не оплачивают.

Он протянул Раде журнал.

В графе «ПОСЕТИТЕЛИ» на сегодняшнюю дату стояла одна строка: «ЛИС Р. М. ДВОЕ СОПРОВОЖДАЮЩИХ. 04:06. ДОПУЩЕНЫ».

Рада побледнела.

— Я не приходила.

— Верю, — сказал Дежурный. — Подпись у вас почти всегда одинаковая. А вот люди разные.

— Почти всегда? — переспросил я.

Дежурный посмотрел на мой левый рукав, затем на лицо.

— У вас есть несколько минут, пока журнал не заметит, что опоздавшие уже расписались. Потом он начнёт выяснять, кто из вас лишний. Это скучная процедура. Сначала лишнего ставят в угол. Потом стирают угол.

Он поднял тяжёлый ключ, открыл решётчатую калитку в

ограде и отступил, пропуская нас.

— Как попасть внутрь? — спросила Рада.

— По рельсам. Только не сходите на путь номер ноль. Он ведёт туда, куда поезда не отправлялись.

— А где нужный путь?

Дежурный указал прямо перед собой.

Я посмотрел на рельсы, заросшие травой. На шпалах были белые номера: «1», «2», «3». Между второй и третьей парой шла ещё одна, тонкая, которой секунду назад я не видел.

На ней белело аккуратное: «0».

— Отлично, — сказал я. — Когда у железной дороги появляются отрицательные тарифы, это вообще плохой знак.

Мы шагнули за калитку.

Сразу за спиной хлопнула дверь будки. Я обернулся. Дежурный уже снова сидел за столом, словно никуда не выходил. Перед ним лежал открытый журнал. Он медленно зачёркивал строку «04:06», но буквы возвращались, как только грифель отрывался от бумаги.

— Я вспомнил, — сказал он через стекло. — Если найдёте вагон, который пришёл пустым, не проверяйте, кто в нём остался.

Его слова перекрыл металлический лязг.

Где-то глубоко под мастерскими тронулся поезд.

. . .

Первое помещение хранилища напоминало вокзал, у которого отобрали пассажиров, а заодно и право быть построенным. Два ряда скамеек. Облупленные указатели. Окошко «СПРАВКИ». На табло — ни одного названия станции. Только время, повторённое сотнями строк.

04:06:00.

04:06:00.

04:06:00.

Потом, в самом низу: 05:18:59.

Секунды сменяли друг друга на одну меньше, чем должны были. Вместо следующей строки сразу появилось 05:19:01.

— А шестьдесятая? — спросил я.

Лика схватила меня за руку.

— Не считай, — прошептала она.

Я не успел уточнить, почему, потому что из окошка «СПРАВКИ» раздалось:

— Ваш талон.

За стеклом сидела женщина в серой форме. Лица её не было видно: козырёк фуражки отбрасывал глубокую тень, хотя освещение падало прямо сверху. Она выдвинула металлический лоток. В нём лежали три плотных талона.

На первом было написано: «ЛИС РАДА. ПРИБЫЛА».

На втором: «НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЯЯ. ОЖИДАЕТ».

На третьем: «ГРАЧ ЯН. ВЫДАН».

Я не взял талон.

— У нас ошибка, — сказал я. — Меня пока не выдавали. И я не вещь.

— Ваш статус подтверждён.

— Кем?

Женщина чуть придвинулась к стеклу. На её груди висела серебряная цепочка с маленьким пустым прямоугольником вместо бейджа.

— Вами.

— Каким именно?

— Данное уточнение не предусмотрено.

— Тогда предусмотрите. Я здесь по жалобе.

Она замерла, будто в инструкции начался параграф, которого никто никогда не читал.

Рада тихо произнесла:

— Не спорь с окошком. Оно может ответить.

Из-под стекла выскользнул четвёртый талон.

«ГРАЧ ЯН. ОЖИДАЕТ ВЫДАЧИ».

Под обеими строчками распустилась красная отметка: «ПРОВЕРКА ДУБЛИРОВАНИЯ».

В стене позади скамеек щёлкнул замок. Оттуда вышли двое рабочих в тёмных комбинезонах. На их нагрудных карманах вместо имён были даты. Один нёс железный ящик. Второй — толстую чёрную рулетку, из которой свисала не измерительная лента, а узкая полоска фотоплёнки.

— Проверка началась, — сказала Рада.

— А мы даже кофе не успели купить.

Она взяла меня за запястье и повела к лестнице справа от касс. Лика бежала следом. Рабочие не ускорились. Первый раскрыл ящик. Второй приложил ленту к полу, а на ленте начал появляться след моей обуви.

Я остановился.

— Это что, видеонаблюдение на минималках?

— Они измеряют, сколько места ты занимаешь, — ответила Рада. — Если у двух записей один объём, лишнюю убирают.

Из ящика донёсся голос. Мой собственный.

— Здесь одна ошибка. Не позволяйте ему уйти.

Рабочие одновременно подняли головы.

— Бежим, — сказал я.

Мы спустились на два пролёта. Потом ещё на один. На площадке третьего я заметил табличку «ПЕРВЫЙ ЭТАЖ». Под ней была другая: «ВНИМАНИЕ. ПЕРВЫЙ ЭТАЖ ОТМЕНЁН».

Рада распахнула дверь с табличкой «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД». За ней оказалась длинная галерея. По обе стороны уходили в темноту металлические шкафы, каждый высотой с вагон. Внутри, за матовым стеклом, что-то двигалось.

Не люди. События.

В одном шкафу мяч отскакивал от окна и всякий раз застывал в миллиметре от стекла. В другом рука удерживала

над чашкой недолитый кипяток. В третьем девушка в красной шапке оборачивалась на звук позади себя, но так и не успевала увидеть, кто позвал.

На табличках были даты и короткие подписи: «РАЗБИТОЕ СТЕКЛО — НЕ ПРОИЗОШЛО». «ОЖОГ — ОТКЛОНЁН». «ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД — В ХРАНЕНИИ».

Я поймал себя на том, что иду медленнее.

— Они живые? — спросил я.

— Они не закончились, — сказала Рада.

Впереди одна из дверей приоткрылась. Через щель донёсся детский смех.

Я узнал его раньше, чем сумел остановиться.

Мила.

Внутри маленькой стеклянной комнаты стояла наша кухня. Жёлтая скатерть, кривая полка над плитой, старый чайник с обломанной ручкой. За столом сидела сестра в носках разного цвета, и я сам, ещё без ночных смен под глазами, протягивал ей коробку с наушниками.

Ту самую.

В настоящем разговоре я опоздал. В этом — успел.

Мила смеялась и говорила что-то, приложив ладонь ко рту. Я с ужасом понял, что не могу разобрать слова. Воспоминание, которое забрала первая правка, оставалось недоступным даже здесь, где оно могло бы произойти иначе.

Я шагнул к стеклу.

— Не трогай, — сказала Лика.

— Это не она?

— Это ты, который пришёл вовремя.

Стеклянная комната приблизилась, как вагон, медленно подкатывающий к платформе. Моё другое «я» обернулось и посмотрело прямо на меня. На его лице не было ни удивления, ни страха. Он мягко улыбнулся.

Потом произнёс через стекло:

— Если хочешь, я могу выйти. Мила останется со мной.

Я почувствовал, как пальцы сами тянутся к ручке двери.

Удовольствие было бы простым: впустить человека, который не совершил моей ошибки. Пусть он умеет поздравлять сестру, не опаздывает, помнит всё, что я потерял. Пусть вместо меня позвонит матери, утешит её, скажет слова, которых я не нашёл.

Пусть он будет хорошим братом.

Что мне останется, кроме зависти?

Лика положила свою маленькую ладонь мне на ободранные пальцы.

— Он может быть хорошим братом, — сказала она. — Но ты не обязан из-за этого переставать быть собой.

Я отступил.

Кухня за стеклом мгновенно потемнела. Мой другой вариант перестал улыбаться. С его лица слезли черты, словно кто-то передумал их рисовать.

— Неприятно, — сказал я. — Даже отказ от собственной идеальной версии проходит с оскорблением покупателя.

Рада ничего не сказала. Но я заметил, что она смотрит не на меня.

На дальней стене над рядом шкафов висел указатель: «СЕКЦИЯ 04:06. ДОПУСК Б».

Под ним уже мигала красная лампа.

. . .

За дверью секции 04:06 было неожиданно тепло.

Я готовился к чему угодно: к тёмному подвалу, к железным ящикам, к ещё одной справочной женщине, которая сообщит, что меня никогда не существовало, но пошлина всё равно обязательна. Вместо этого мы вошли в помещение с высокими окнами, сквозь которые падал утренний солнечный свет. Под окнами росли цветы в жестяных банках из-под краски. На столе стояли два стакана чая.

Я подошёл к окну.

За ним виднелась та же товарная станция, только новая. Рабочие в чистых синих робах катили тележку по перрону. Возле пути стоял красный пассажирский вагон. На его борту было написано: «ЗАВТРА».

— Это какой год? — спросил я.

— Никакой, — ответила Рада.

В середине комнаты находился круглый механизм, похожий на часы, от которых оставили только обод. Вместо стрелок внутри вращались тонкие стальные обручи. По ним

ползли цифры: 04:05:59. 04:06:00. 04:05:59. 04:06:00.

Здесь время не шло дальше.

На стеклянной панели перед механизмом была карточка:

«ИСХОД № 9. СОБЫТИЕ: ДОБРОВОЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЗАМЕНЫ».

«ВРЕМЯ: 04:06. ДАТА: НЕ УСТАНОВЛЕНА».

«СТАТУС: ОТКЛОНЁН. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: СОХРАНЕНЫ».

— Вот и ответ, — сказала Рада.

— В том смысле, что никакого ответа нет?

— В том, что подпись импортировали. Само событие не произошло, а документ от него взяли.

Она произнесла «импортировали» так, словно речь шла о партии холодильников. Я даже позавидовал человеку, который придумал эту лексику. Слова гораздо легче стирать из мира, если сначала сделать их скучными.

Я обошёл механизм и увидел за прозрачной стенкой трёх людей.

Две женщины и мужчина.

Мужчина стоял ко мне спиной. На нём была моя рабочая куртка. Женщина напротив него — Рада. Та же чёрная короткая стрижка, кольцо в ухе, родинка над бровью. Только волосы были аккуратно уложены, на груди висела карточка с семью колоколами, а глаза у неё выглядели пустыми от усталости.

Рядом на стуле сидела Лика.

У меня похолодело под бинтом.

У девочки была перевязана голова, её жёлтый свитер оказался разрезан у плеча. Она неподвижно смотрела в пол. На запястье не было красной нитки.

Мужчина протянул Раде документ.

— Подпиши, — сказал он моим голосом.

Рада за стенкой покачала головой.

— Нет. Я знаю, что произойдёт, если тебя пропустят.

— Посмотри на неё.

Он кивнул на Лику.

Девочка медленно подняла голову. Я увидел у неё на лице знакомую россыпь веснушек. Только половины лица не хватало. На месте щеки и глаза была белая ровная плоскость, будто кто-то ещё не успел дорисовать её.

Рада рядом со мной резко вдохнула.

— Этого не было, — сказала она.

— Я знаю.

— Я бы не…

— Смотри, — произнесла Лика.

Мы смотрели.

Мужчина за стеклом наклонился к переписчице.

— Пропусти меня в реестр, — сказал он. — Я доведу её до утра. Я знаю, как. Ты ведь уже девять раз пыталась сделать это без меня.

На лице другой Рады дрогнула мышца.

— И что ты потребуешь взамен?

— Ничего, кроме места, которое моё.

Она долго не двигалась. Потом взяла ручку и поставила подпись.

Механизм внутри обода ударил так громко, что я зажал уши.

На карточке зажглось: «04:06:01».

И всё исчезло.

Не плавно. Не как кино, в котором закончилась плёнка. Трое людей, солнечный свет, красный вагон, чай — всё исчезло в одну секунду. За стеклом остался голый бетон.

Механизм вернулся к 04:05:59.

Рада стояла с закрытыми глазами.

— Ты видела? — спросил я.

— Да.

— Значит, в каком-то варианте ты действительно подписала мою замену.

Она медленно кивнула.

— Чтобы спасти Лику.

— А меня спросить не захотела?

— Того тебя — спросила, — тихо сказала она. — Вот он и ответил.

Это было самое отвратительное в увиденном. Рада говорила правду. Другая Рада действительно согласилась. И другой я действительно попросил. Если мы признавали за Ликой право на спасение, то на каком основании отказывали человеку за стеклом в праве хотеть жить?

И всё-таки кто-то взял их выбор, вырезал из истории причину и оставил лишь удобную подпись.

— Откуда здесь девятый исход? — спросил я. — Что было в первых восьми?

Лика сжала нитку. Узел впился ей в кожу.

— Разные вещи, — ответила она. — В одном вы добрались сюда раньше. В другом не добрались. В третьем он оставил тебя дома, а ко мне пришла твоя сестра.

— Ты встречала Милу?

Лика испуганно посмотрела на Раду. Та отвела взгляд.

— Я встречала женщину, которая называла себя твоей сестрой, — сказала девочка. — Это не одно и то же.

Я почувствовал, как внутри поднимается злость. Не на Лику. Не на Раду. На сам мир, который умудрился сделать самым ненадёжным доказательством существования человека его собственное имя.

— Хорошо, — сказал я. — Значит, эта подпись не была поставлена сегодня. Можно доказать, что она сюда не относится?

Рада посмотрела на часы-обод.

— Да. Нам нужен отрицательный оттиск исхода. Пока он лежит здесь, служба уточнений может ссылаться на подпись как на действующий документ. Если зарегистрировать расхождение между исходом и нашим присутствием, статус станет спорным. Как у Тимура.

— Переживём до следующей сверки?

— Если успеем оформить.

— Что для этого нужно?

— Три подтверждения факта, что мы сейчас здесь. И одно подтверждение того, что та подпись принадлежит исходу, которого не было. Последнее — сложнее.

Я поднял болторез. Его губки были в чёрных полосах после почтамта.

— У меня есть предмет, который помнит человека по обе стороны сверки.

Рада посмотрела на него. Лицо её на мгновение прояснилось.

— Глеб.

— Именно. Если этой штуке удалось удержать его отпечатки, может, она удержит и разницу между двумя «сейчас».

Лика подошла к часам. Там, где должен был быть циферблат, находилась узкая прорезь. Над ней проступило:

«ВЫДАЧА ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОТТИСКА. ТОЛЬКО ПРИ ЛИЧНОМ УЧАСТИИ ПОДПИСАНТА».

Рада протянула руку к своему пропуску.

В этот момент за нами послышались шаги.

— Очень интересно, — сказал знакомый учтивый голос. — Особенно в части личного участия.

Я обернулся.

Инспектор Полозов стоял в дверях, держа мокрую серую шапку обеими руками. За ним — двое сотрудников. Один с планшетом, другой с толстым чёрным футляром. Под по-

толком уже начинали сдвигаться железные заслонки.

— Вы снова без записи, — заметил я.

— Напротив, — ответил Полозов. — Мы здесь с четырёх часов шести минут. Вы можете проверить журнал.

. . .

Полозов вошёл медленно, будто боялся потревожить цветы на подоконнике. Только цветы уже исчезли. Солнечного света не было. Вся секция выглядела как обычная безоконная комната с раздвижной стеклянной перегородкой и часами, которые отказывались двигаться дальше секунды.

— Вы произвели несанкционированное ознакомление с архивным исходом, — сообщил инспектор. — Считайте это устным предупреждением.

— А следующее будет письменным? — спросил я.

— Следующее будет окончательным.

Сотрудник с футляром встал у двери. Второй развернул планшет так, чтобы Рада увидела экран. На нём светилась та самая подпись.

«ЛИС Р. М. ЗАМЕНА ДОПУЩЕНА».

— Госпожа Лис, — сказал Полозов, — ваши прежние полномочия позволяют нам завершить процедуру без излишней грубости. Просто подтвердите, что запись верна, и уходите с ребёнком.

— А Ян? — спросила она.

Инспектор оглядел меня без всякого удовольствия.

— Тот, который здесь, останется на хранении. Тот, чьё присутствие подтверждено, займёт место. Равновесие будет восстановлено.

— А моя мать? — спросил я.

— У неё будет сын. Это ведь главное?

Я шагнул вперёд. Болторез ударился о бедро.

— Вы не ответили.

— Потому что вы спрашиваете не о результате, а о чувствах, — мягко сказал он. — Два различных отдела.

Лика прижалась к Раде. Девочка не плакала. И от этого мне становилось ещё хуже: она знала, чего ждать, и уже успела закончить бояться.

— Ты ведь понимаешь, — сказал Полозов, обращаясь ко мне, — что тот, другой, тоже человек? Он помнит вашу мать. Он помнит сестру. Он даже помнит разговор, который вы добровольно отдали. В нём меньше пустот. Это весомое преимущество для гражданина.

— А кто определяет вес? Вы? У вас там на входе есть весы для совести?

— Нет. Но у нас есть реестр.

Он открыл свой блокнот. Внутри была одна фотография, слишком маленькая, чтобы увидеть лицо. Инспектор не показал её нам, только разгладил большим пальцем угол.

— Я не наслаждаюсь этой работой, Грач. Когда два исхода претендуют на один и тот же город, на улицах начинают ис-

чезать дома. Погибают люди, которые не выбирали ни одну из ваших жизней. Мне нужно удержать границу между случившимся и неслучившимся. Иногда для этого приходится поступать некрасиво.

— Можете начинать с того, чтобы перестать называть людей объектами.

Полозов посмотрел на меня, и впервые его улыбка исчезла совсем.

— Поговорим об этом, когда вам придётся выбирать между одним ребёнком и несколькими тысячами взрослых.

Я хотел ответить, но Рада вдруг заговорила раньше меня:

— Сколько, инспектор?

Он повернулся.

— Простите?

— Вы собираетесь поучить меня цене выбора. Сколько записей лично вы подтвердили?

Полозов помолчал. Потом произнёс:

— Столько, сколько потребовалось.

— Я когда-то тоже так отвечала, — сказала Рада. — До того, как научилась считать имена.

Я посмотрел на неё. Она не отвела взгляда от инспектора.

— Ян, — сказала она, — ты спрашивал, сколько людей я внесла в перепись.

— Не надо, — предупредил Полозов.

— Три тысячи двести восемь.

Воздух будто стал тяжелее.

Рада говорила ровно, не защищаясь и не прося прощения.

— Три тысячи двести восемь человек. Не за одну ночь. За пять лет. Я думала, что сводка отражает то, что всё равно должно случиться. Потом увидела, как строку вписывают до события. Подала рапорт. Его приняли. Утром один из моих коллег оказался человеком, которого никогда не нанимали. Тогда я ушла. Не из системы — из отдела. В диспетчерскую.

— То есть решила сменить кабинет, — сказал я.

— Да.

— И этого было достаточно?

— Нет.

Она посмотрела на меня. Теперь я видел, что ей очень трудно оставаться спокойной.

— Ничего из того, что я сделала потом, не исправило те три тысячи двести восемь строк. Я всё равно стараюсь. Но ты имеешь право не простить меня. Только не отдавай инспектору нашу сегодняшнюю правду за мою прошлую вину.

Полозов захлопнул блокнот.

— Достаточно исповедей. Регистрируйте допуск.

Сотрудник с футляром раскрыл его. Внутри лежала медная печать с длинной рукояткой. На её круглой поверхности было выгравировано: «ПОДТВЕРЖДАЮ ОТСУТСТВИЕ».

Я вспомнил мокрые листы в почтамте. Только здесь не было ведра с водой, а стационарная печать выглядела такой тяжёлой, что от удара могла бы пробить человеку череп. Наверное, этим её и тестировали.

— Если он поставит оттиск на часах, — шепнула Рада, — выдачи не будет. И наша подпись останется действующей.

— Как долго?

— До тех пор, пока они не закончат замену.

Полозов кивнул сотруднику. Тот поднял печать.

Я взглянул на маленький квадрат в конце линии на ладони.

Ничего.

Ни привычного чёрного окна, ни предложения поменять последние тринадцать секунд на дорогую память. Секунда, которой не было, ещё не наступила. Видимо, даже системе было трудно предложить исправить то, что она отказывалась считать настоящим.

— Рада, — сказал я, — сколько времени человеку нужно, чтобы поставить печать?

— Секунда.

— А чтобы она успела подействовать?

Рада посмотрела на обод часов.

— Ещё одна.

Вот тут у меня наконец появилась идея.

Обычно хорошие идеи приходили ко мне слишком поздно, а плохие — раньше завтрака. Эта выглядела одновременно и хорошей, и ужасно плохой. Значит, по нашей новой классификации вполне могла оказаться рабочей.

— Полозов, — сказал я, — а ведь вы не проверяли, как устроен этот исход.

— Проверяли. У меня допуск выше вашего.

— Допуск позволяет смотреть на документ. Но вы же учите нас различать документ и событие. Где вы были в 04:06?

Инспектор не ответил.

— Вы здесь зарегистрированы с 04:06. А я в это время находился у речного вокзала. Вместе с Радой и Ликой. Мы втроём это помним. Ваш журнал утверждает, что мы были здесь. Значит, либо один из нас врёт, либо у города две разные секунды с одним и тем же временем.

— Отойдите от механизма.

— И что, если мы поставим штамп между ними?

Полозов резко повернул голову к часам.

В глазах у него впервые мелькнуло не презрение и не привычное служебное раздражение.

Узнавание.

— Не смейте, — произнёс он.

Я бросил болторез Раде.

— Лови. И помни: Глеб держал с другой стороны.

Она поймала инструмент. Сотрудник с печатью шагнул к ней. Я перехватил его за локоть — слишком поздно, чтобы остановить удар, но достаточно, чтобы изменить направление.

Тяжёлая печать опустилась не на стеклянную панель часов.

На металлический обод.

В воздухе раздался звук, похожий на резкий щелчок вы-

ключателя.

Цифры дошли до 04:06:00.

И не пошли обратно.

Впервые за всё утро часы попытались показать 04:06:01.

Между двумя числами открылась узкая чёрная щель.

— Вы сами поставили печать на границе, — сказал я Полозову. — А теперь давайте узнаем, по какую сторону были ваши документы.

Мир дёрнулся.

И мы провалились в секунду, которой не было.

. . .

Я ожидал падения.

В последнее время у меня было слишком много поводов изучать земное притяжение с разных сторон, и я привык, что любая необычная дверь рано или поздно ведёт вниз.

Но мы оказались на платформе.

Совершенно пустой, залитой белым светом, с двумя путями по бокам. Между рельсами лежали сотни маленьких часов. У каждых стрелка замерла на одной и той же отметке. 04:06:00.

Вдоль края платформы тянулась жёлтая полоса. За ней не было ни поезда, ни туннеля. Только чёрный воздух, в котором белели обрывки надписей.

Рада лежала рядом со мной. Лика стояла на ногах, держась

за красную нитку. Полозов и его сотрудники оказались у другого конца платформы. На мгновение все выглядели одинаково растерянными. Даже инспектор, которому по должности полагалось иметь готовый ответ на любую катастрофу.

— Что мы сделали? — спросила Рада.

— Вероятно, неправильно оформили входящие, — ответил я.

Я показал на платформу. Над нами горело табло:

«ПРОМЕЖУТОК МЕЖДУ 04:06:00 И 04:06:01».

«СОБЫТИЕ НЕ УТВЕРЖДЕНО».

«ВЫХОД ТОЛЬКО ПОСЛЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ РАСХОЖДЕНИЯ».

На первой же шпале лежала медная пластина. На ней было выгравировано: «ПОДПИСЬ ЛИС Р. М. ПРИНЯТА». С другой стороны — гладкий металл.

Рада подняла пластину.

— Сюда выгрузились документальные последствия, — сказала она. — Все, которые взяли из этого исхода.

Я огляделся. Дальше по платформе валялись десятки подобных пластин. Номера выездов. Чужие фамилии. Приказы, извещения, свидетельства о смерти. Некоторые были совсем новыми. Другие зелёными от времени.

И возле каждой стоял маленький знак из семи точек, соединённых чертой.

Точно такой, как на ключе Лики.

— Можно их забрать? — спросил я.

— Не все, — ответила девочка. — Иначе у нас не будет места, куда вернуться.

Она произнесла это так уверенно, что я даже не стал спорить. Город, у которого изъяли слишком много документов, действительно мог оказаться в затруднительном положении. Особенно если половина улиц существовала только благодаря регистрационным печатям.

Полозов уже оправился от падения.

— Не прикасайтесь к пластинам! — крикнул он. — Вы не

понимаете, что делаете. Это граница, Грач. Пока она закрыта, отвергнутые исходы не могут стать действительностью. Вы открыли её с обеих сторон!

Из темноты за платформой кто-то постучал.

Три коротких удара. Пауза. Один.

Я вспомнил сарай. Телефон матери. Свой собственный голос за дверью.

— Он тоже здесь, — сказал я.

— Кто? — спросила Рада.

— Мой другой вариант.

За жёлтой полосой медленно выступил силуэт человека. Ноги, затем плечи, голова. Он шёл по воздуху так осторожно, будто за каждым шагом мог обнаружиться глубокий провал.

На нём была чистая куртка «Городской целостности».

Мой двойник остановился напротив меня.

— Ты открыл секунду, — сказал он.

— У тебя прекрасный дар замечать очевидное.

Он не улыбнулся.

— Я не хотел, чтобы ты увидел это место.

— А я не хотел, чтобы ты приходил к моей матери. У нас обоих сложный день.

Он посмотрел на Лику.

В его взгляде было столько боли, что я на секунду перестал видеть в нём врага. Не потому, что поверил. Потому что узнал выражение собственного лица, когда я смотрел на пустые страницы синей тетради.

— Она опять жива, — прошептал двойник.

Лика отступила за Раду.

— Я не твоя, — сказала она.

— Я знаю.

Он поднял руки, показывая, что не собирается приближаться.

— Ян, — произнёс он, — Полозов не даст нам обоим выбраться. Не из-за приказа. Если оба вернёмся в город, он начнёт сравнивать наши воспоминания. Найдёт расхождения. А потом доберётся до всех, кого мы помним по-разному.

Я вспомнил маму. Милу. Глеба.

— И поэтому ты решил занять моё место без спроса?

— Я решил занять место, которое мне обещали.

— Кто?

Двойник посмотрел на маленький ключ с надписью «ЗАВТРА».

— Ты сам.

В эту секунду по платформе пробежала дрожь. Часы под ногами одновременно щёлкнули. Их стрелки сдвинулись на едва заметную долю деления.

Полозов выхватил из футляра вторую печать.

— Всё. Хватит. Подтверждаю прекращение несанкционированного промежутка.

Он ударил печатью по ближайшей пластине.

На ней вспыхнуло «ОТСУТСТВОВАЛ».

Край платформы исчез.

Просто перестал быть. Жёлтая линия оборвалась в пустоте, и один из сотрудников инспектора шагнул туда, где ещё мгновение назад был бетон. Мужчина успел зацепиться за край рельса, повис над чёрным воздухом и закричал.

Полозов даже не обернулся.

Я бросился к нему. В два прыжка оказался на коленях, схватил мужчину за воротник. Рада подбежала сзади, упёрлась ногой в шпалу и потянула меня за пояс.

— Ты спасаешь его?! — выкрикнул инспектор.

— Не люблю оставлять людей висеть! Профессиональное отклонение!

Мы вытащили сотрудника на платформу. Он был бледен, как бумага из папки собственного начальника. На нагрудном кармане у него расползалась белая полоса, стирая буквы служебного номера.

— Я… — заикаясь, произнёс он. — Я не хочу исчезать.

— Прекрасно понимаю, — ответил я. — Скажите это начальнику.

Второй сотрудник инспектора отступил к ободу часов. Его лицо тоже изменилось: он впервые понял, что право оформлять отсутствие не защищает от собственной очереди.

Рада уже вставила стальной пропуск в прорезь между двумя рельсами. Внизу обнаружился маленький рычаг, спрятанный под красной пломбой.

— Нужны свидетели! — крикнула она. — Ян, говори!

Я положил руку на пластину с чужой подписью.

— Я присутствовал в другом месте в 04:06! На старом речном вокзале. С Радой и Ликой. На этой платформе меня не было!

На металле проявилась первая вмятина. Не буква — отпечаток моего окровавленного пальца.

— Я была с ним! — выкрикнула Рада. — Я не подписывала допуск к замене в нашем исходе!

Вторая вмятина. Её отпечаток оказался рядом с моим.

— Лика! — крикнул я.

Девочка не ответила.

Она смотрела за жёлтую полосу, туда, где стоял мой двойник. Он протянул ей открытую ладонь. Лика медленно подняла свою. Её тень на платформе отделилась от ног и сделала шаг вперёд.

Я впервые увидел, насколько она мала. Тень девочки, потерявшей слишком много времени, чтобы оставаться девятилетней.

— Лика, — сказал я уже тише. — Ты не обязана выбирать между нами. Просто скажи, где была ты.

Она опустила руку.

— Я была с вами, — произнесла она. — В сарае. Потом мы пошли искать список. Я была живая. И вы оба меня видели.

Третий отпечаток возник сам собой. Маленький, с пятью пальцами.

Рычаг под пропуском дёрнулся.

На табло вспыхнуло: «СВИДЕТЕЛЬСТВА: 3. НЕОБХО-

ДИМ НЕЗАВИСИМЫЙ СЛЕД ИЗ ДВУХ ИСХОДОВ».

— Болторез! — крикнула Рада.

Он был у неё в руках. Она опустилась на колени, прижала металлические губки к пластине. Чёрные линии на стали вспыхнули и побежали к рукоятке. Я почувствовал тот же холод, что в почтамте, когда кто-то с другой стороны держался за инструмент.

— Глеб, — выдохнул я. — Если слышишь, сделай то, что всегда делал.

— Что именно? — прошептала Рада.

— Объясни им, почему их оборудование ни черта не работает.

Болторез вздрогнул.

Губки клацнули сами собой, выбив на пластине две глубокие полосы. Между ними проступила фамилия:

«СУХОВ Г. ПРИСУТСТВИЕ НЕ ЗАВЕРШЕНО. СЛЕД ПО ОБЕ СТОРОНЫ».

Рычаг резко пошёл вниз.

— Получилось! — крикнула Рада.

Но пропуск не выскочил обратно. Вместо этого на нём зажглась красная отметка: «ДОПУСК Б. ИЗЪЯТ ДЛЯ ЗАКРЫТИЯ РАСХОЖДЕНИЯ».

Рада дёрнула за металл. Он не сдвинулся.

— Оставь! — крикнул я.

Она на секунду застыла.

У неё отнимали последнее, что связывало её с системой,

которую она когда-то обслуживала. Единственный законный способ оспаривать записи от имени людей. Единственную власть, которой мы воспользовались у депо, чтобы спасти Тимура.

Рада разжала пальцы.

— Забирайте, — произнесла она. — Не хочу больше получать право помогать по удостоверению, которое мне выдали за умение стирать.

Пластина с нашей подписью переломилась пополам. Из трещины выпала тонкая медная полоска. На одной стороне было написано «04:06:00». На другой, зеркальными буквами, — «НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ИСХОДЕ».

Я поймал её.

В этот миг платформа дёрнулась второй раз.

Полозов поднял печать. Под его ногами из пустоты начали проявляться белые листы. Они слипались в широкую дорогу к нам. На дороге появлялись слова: «ПРОЦЕДУРА ЗАВЕРШЕНА», «ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ», «ЛИШНИХ УДАЛИТЬ».

— Вы не понимаете! — закричал инспектор. — Один из вас должен остаться здесь! Иначе обе версии попадут в город!

— Я это уже слышал, — ответил я. — Только тогда мне предлагали выбрать, кого оставить в доме.

Двойник за чёрной полосой посмотрел на меня.

— Он прав насчёт двух версий, — сказал он. — Но врёт о том, кто обязан остаться.

Он резко шагнул вперёд и схватил край бумажной дороги.

Полозов крикнул его имя. Моё имя. Дорога зашевелилась, пытаясь превратиться в твёрдый мост. Двойник потянул её в сторону, и белые листы с шумом сорвались с края платформы.

На одно короткое мгновение между ним и инспектором открылась свободная полоса.

— Бегите! — сказал двойник.

Рада схватила Лику. Я — болторез и медную полоску. Мы рванули к ободу часов. За спиной что-то кричало, бумага хлопала, словно огромные крылья, а платформа теряла по кусочку за каждым нашим шагом.

Я успел обернуться.

Двойник держал за руку того сотрудника, которого мы только что вытащили из пустоты. Не отпускал, хотя край платформы под ними быстро исчезал.

Значит, он тоже мог спасать незнакомых людей.

Это усложняло всё гораздо сильнее, чем если бы он был обычным чудовищем.

— Ян! — крикнула Рада.

Я прыгнул в круг часов.

Тишина.

И удар.

Секундная стрелка сдвинулась на один шаг.

04:06:01.

Мы вылетели из механизма на бетонный пол секции. Часы обернулись вокруг своей оси. Стеклянная панель покрылась мелкими трещинами. Потом цифры пропали, а на месте прорези для выдачи осталась только узкая пустая щель.

Снаружи раздался низкий гул.

Тот самый поезд, который никто никогда не отправлял, наконец тронулся.

. . .

Мы сидели на полу среди осколков и долго не двигались.

Плечо болело. Колено было разодрано. Во рту стоял вкус железа. Я смотрел на медную полоску в руке и пытался понять, почему победа всякий раз оставляет после себя ощущение, будто тебе предъявили счёт за чужой банкет.

Рада подняла глаза к погасшему механизму.

— Всё. Больше нет допуска.

— У меня тоже нет, — сказал я. — Ни к библиотеке, ни к общественному мнению. Как-то живу.

Она не улыбнулась.

— Ты не понимаешь. Теперь я не смогу подтвердить ни одного человека из переписи. Даже если мы найдём всех четверых тысяч. Если они начнут исчезать, мои слова не примут.

Я посмотрел на её пустую руку. На месте, где обычно ви-

села карточка, остался светлый прямоугольник на ткани.

— Тогда найдём другой способ, — сказал я.

— А если нет?

Я подумал о Тимуре. О женщине в оранжевой жилетке, которая ругалась на меня уже после того, как едва не погибла. О Зое Петровне, оставшейся в почтамте. О Глебе, который из Поля 4 сумел помочь нам с помощью старого болтореза.

— Значит, будем делать то, что умеем. Я умею ломать городское оборудование. Ты умеешь читать их правила лучше них. Лика умеет находить самые неприятные вопросы. В худшем случае откроем собственное ведомство.

— Как назовёшь? — тихо спросила Рада.

— «Служба фактического присутствия». Девиз: «Если вы ещё дышите, мы вам верим».

Лика хмыкнула.

Это был первый хороший звук, который я услышал за несколько часов.

На моём телефоне мигнуло уведомление. Не от оператора, не от банка и даже не от матери. Прямо на погасшем экране проявились слова:

«ЗАМЕНА СУБЪЕКТА «ГРАЧ ЯН»: ОСПОРЕНА».

«ОСНОВАНИЕ: ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ОТТИСК 04:06».

«ДО СЛЕДУЮЩЕЙ СВЕРКИ: ПРОЦЕДУРА ПРИОСТАНОВЛЕНА».

И ниже:

«ПРАВО НА ПРАВКУ: 1 ИЗ 7 ИСПОЛЬЗОВАНО. ОСТАЛОСЬ: 6».

Я показал экран Раде.

Она улыбнулась так слабо, будто только что вспомнила, что у неё есть мышцы для этого занятия.

— Ты не потратил правку, — сказала она.

— Я потратил два часа, твой допуск и остатки плеча. Результат вполне по тарифу.

Лика подошла к боковой двери. За ней теперь был обычный коридор — пустой, сырой, с запахом ржавчины. Красная лампа над секцией погасла. Снаружи не доносилось ни шагов Полозова, ни голоса моего двойника.

— Они выбрались? — спросил я.

— Не знаю, — ответила девочка.

Это прозвучало честнее всех её прежних загадок.

Мы вышли в галерею шкафов. По дороге я заметил, что стеклянная кухня с Милой исчезла. Там стоял пустой металлический ящик. На дверце осталась царапина, похожая на недописанную букву «М».

Я не стал проверять.

За поворотом нас встретил Дежурный. На этот раз он стоял прямо в галерее, хотя минуту назад сидел в будке у ворот. В правой руке держал фонарь, а под левой мышкой, где кончался пустой рукав, — старый журнал.

— Так и знал, — сказал он, взглянув на мои бинты. — Когда молодой человек приходит за документами с болторе-

зом, он вряд ли ограничится справкой.

— Вы знали, что мы выберемся?

— Нет. Я давно перестал делать ставки на вашу смену.

Он раскрыл журнал на странице с сегодняшним посещением. Строка «04:06. ДОПУЩЕНЫ» была перечёркнута тонкой красной полосой. Рядом появилось: «НЕ СОСТОЯЛОСЬ».

— Хорошая новость, — сказал Дежурный. — В хранилище больше не признают вас прибывшими по чужому допуску. Плохая — теперь оно вас помнит лично.

— То есть мы официально в базе данных?

— Вы хуже. Вы в примечаниях.

Он повернулся, собираясь провести нас к выходу. И тут латунный ключ на запястье Лики звякнул.

Дежурный остановился.

— Откуда у неё ключ?

— Длинная история, — сказал я.

— У меня мало рук, но времени достаточно. Откуда?

— Женщина в красном пальто дала, — ответила Лика.

Старик не мигая посмотрел на неё.

— Значит, отсек всё-таки откроется.

Он произнёс это не с надеждой. Скорее как человек, который услышал за стеной щелчок взведённого курка.

— Какой отсек? — спросила Рада.

Дежурный очень медленно повернулся к последнему ряду шкафов. На торце самого большого стояла пластина с номе-

ром «0000». Под ней было написано:

«ГРАЧ ЯН».

«ОРИГИНАЛ. НА ХРАНЕНИИ».

Я почувствовал, как сердце один раз тяжело ударило в грудь.

— Он здесь? — спросил я.

Дежурный опустил журнал.

— Вам не обязательно смотреть.

— Именно поэтому я и хочу.

— Ян, — сказала Лика, — я же просила…

Но было поздно.

За стеклом большого шкафа загорелась лампа. Сначала я увидел белые стены больничной палаты. Потом кроватку на колёсах, маленькое одеяло с выцветшими утками и настенные часы. Стрелки показывали 02:47.

На дверце проступила дата: 19 НОЯБРЯ 2007 ГОДА.

Девятнадцать лет назад.

Та же дата, что стояла на архивной карточке новорождённого, которую Рада показала мне у несуществующего дома.

Я подошёл ближе.

В кроватке лежал ребёнок. Крошечный, красный, с крепко сжатыми кулаками. Он не плакал. Его грудь не поднималась.

На стекле появилась новая строка:

«ИСХОД 0000».

«ПЕРВЫЙ ВДОХ ГРАЧА ЯНА: НЕ СОСТОЯЛСЯ».

У меня похолодели руки.

— Этого не может быть, — прошептал я.

Дежурный молчал.

За стеклом кто-то появился — женщина в красном пальто. Я не видел лица. Она подошла к кроватке, нагнулась, положила ладонь ребёнку на грудь.

И произнесла слова, которые я узнал.

Не потому, что помнил их с рождения. А потому, что четыре года носил их в синей тетради, записанными неровным подростковым почерком.

— Сначала разозлись, — прошептала женщина. — Бояться будешь потом.

Под её рукой ребёнок судорожно вдохнул.

На моём запястье обожгло чёрную черту. Перед глазами на мгновение вспыхнула строка, которой раньше не было:

«ПРАВКА № 0. ИСТОЧНИК: НЕ ОПРЕДЕЛЁН».

«СОЗДАН ОБЪЕКТ, ОТСУТСТВУЮЩИЙ В ПЕРВИЧНОМ РЕЕСТРЕ».

А потом снизу, изнутри шкафа, раздался глухой удар. Три раза быстро. Пауза. Ещё один.

На внутренней стороне стекла медленно появилась надпись, выведенная пальцем по запотевшей поверхности:

«ЯН, НЕ СПАСАЙ МЕНЯ В ДЕСЯТЫЙ РАЗ».

Я узнал почерк Милы.

Глава пятая
Поле 4

Три удара. Пауза. Один.

Так стучал Глеб, когда возвращался с перекура и находил дверь нашей мастерской запертой. Первые три удара означали «открывай». Четвёртый — «и не смей делать вид, что тебя нет».

Сейчас так стучали из стеклянного шкафа, в котором хранилось моё несостоявшееся рождение.

На стекле ещё блестела надпись, сделанная почерком Милы:

«ЯН, НЕ СПАСАЙ МЕНЯ В ДЕСЯТЫЙ РАЗ».

— Кто там? — спросил я.

Дежурный с неожиданной быстротой захлопнул свой журнал и поставил его перед стеклом, закрывая последние слова.

— Вы задали неправильный вопрос, — сказал он.

— Простите. Я здесь первый раз. У вас есть памятка с правильными вопросами? Желательно не прошитая сквозь лицо.

— Здесь нельзя спрашивать «кто». Так вы предлагаете хранилищу выбрать человека, который ответит. А выбор у него большой.

За журналом снова стукнули. Уже ближе.

Рада схватила меня за здоровую руку. Здоровой она называлась только потому, что на ней ещё не было бинта.

— Ян. Смотри на меня. Не на шкаф.

— Там Мила.

— Там её почерк. Это разные вещи.

Я хотел возразить. Не потому, что Рада была неправа, а потому, что за четыре года я так устал от разумных объяснений отсутствия сестры, что любое новое вызывало желание врезать разуму чем-нибудь тяжёлым.

Лика подошла к стеклу. Латунный ключ на красной нитке дрожал так сильно, словно к нему подвели ток.

— Я не открою, — сказала она.

— Я не просил, — ответил я.

— Пока.

На том, что осталось от окна родильной палаты, появилась тонкая трещина. Из неё вытекла капля воды. Не упала на пол — зависла в воздухе, удерживаемая чем-то невидимым.

Дежурный снял фуражку. Его седые волосы были коротко острижены, на затылке виднелась длинная белая полоса старого шрама.

— Оригиналом здесь называют не человека, — произнёс он. — А исход, с которого начали отсчёт. Не путайте это. Иначе вам покажут то, что вы готовы считать первоначальным, и вы сами поможете ему стать настоящим.

— То есть я не родился?

— Вы стоите передо мной, юноша. Я не имею привыч-

ки спорить с очевидным. Особенно когда очевидное держит болторез.

— Но на карточке…

— Написано «первый вдох не состоялся». Верно. Кто-то изменил этот исход. И сделал это до того, как вы научились читать уведомления на своей руке. Кто и зачем — здесь не записано.

Я взглянул на запястье. Чёрная черта была неподвижна. Никаких окон выбора, никаких предложений избавиться от плохих воспоминаний по льготному тарифу.

— Значит, правка номер ноль — не моя.

— Даже если сделана ради вас, — сказал Дежурный. — Что не одно и то же.

Из-под журнала просочились буквы. Они побежали по металлу шкафа и сложились в аккуратный вопрос:

«ОТКРЫТЬ ПЕРВОИСТОЧНИК?»

Ниже возникло: «ПОДТВЕРЖДЕНИЕ КЛЮЧОМ».

Лика резко спрятала руку за спину.

— Нет, — сказала она.

Надпись исчезла. Стекло потемнело. Внутри палаты женщина в красном пальто не повернулась к нам, хотя я отчётливо видел, как её тень шевельнулась на стене.

И я понял, что она слышит.

Моя первая мысль была глупой: стукнуть в ответ. Вторая — ещё хуже: спросить, жива ли Мила. К счастью, третья оказалась полезной.

Я опустил болторез на пол.

Три коротких щелчка металлических губок. Пауза. Один.

По рукоятке прошла слабая вибрация. Точно такой ответ я чувствовал в подземелье почтамта и на платформе несостоявшейся секунды.

— Глеб? — прошептал я.

Дежурный повернул голову.

— Человек на контактном предмете?

— Он в Поле 4. До сверки в два сорок семь. Мы пришли за ним.

При этих словах сторож перестал смотреть на шкаф. Похоже, из всех кошмаров, которые могли просочиться через его рабочее место, этот был самым привычным.

— Слишком поздно, — сказал он.

Я почувствовал, как у меня холодеет живот.

— До сверки больше двадцати часов.

— Я не про время. Если человек уже попал в четвёртое поле, его нельзя просто забрать за руку. Он держит незакрытую запись. Вынете его — закроется то, что он удерживал.

— Что именно?

— Вот это и придётся выяснить до того, как вы попробуете его спасать.

Я посмотрел на Лику.

— Знаешь путь?

Она кивнула. Потом покачала головой.

— В прошлый раз знала. Здесь всё переставили.

— Великолепно. Даже в загробной канцелярии ремонт.

Дежурный поднял журнал и постучал корешком по полу. Металл под нашими ногами загудел. На торце ряда шкафов открылась узкая дверь, которой минуту назад не существовало. За ней стояла старенькая кабина грузового лифта с решёткой-гармошкой. Над кнопками были четыре таблички:

«ПРИСУТСТВОВАЛ».

«ВЫБЫЛ».

«ЗАМЕНЁН».

«ОСТАЛСЯ В ПАМЯТИ».

У четвёртой кнопки не было цифры. Только маленькая вмятина от чьего-то большого пальца.

— Первые три поля служат для отчёта, — объяснил Дежурный. — В четвёртом оставляют то, что не удалось подогнать под отчёт: несказанные последние слова, удержанные предметы, людей, которых хотя бы кто-то ещё помнит. Официально это примечания. Неофициально — самая большая проблема ведомства.

— Потому что они там живые?

— Потому что примечания иногда доказывают, что основной текст врёт.

Рада сделала шаг к лифту. Дежурный преградил ей дорогу журналом.

— Допуск.

— Изъят, — ответила она.

— Знаю. Отделу пересказали обстоятельства. Даже ваш

инспектор выглядел недовольным.

— Он обычно выглядит так, будто у него украли обед, — заметил я.

— Сегодня у него украли право называться единственным свидетелем. Это хуже. Но внутрь нельзя без основания.

Я достал медную полоску — отрицательный оттиск из секунды 04:06 — и положил её на открытый журнал.

В бумаге немедленно появилась дыра размером с палец. Через неё виднелись буквы, написанные на следующей странице, хотя я был уверен, что она пустая.

«ПРИСУТСТВИЕ ОСПОРЕНО. ЖАЛОБА ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ».

Дежурный тихо свистнул.

— Умеете вы приходить с приглашениями.

— Нас научили ваши сотрудники.

Он отступил. Потом неожиданно ухватил меня за куртку.

— Запомните две вещи. В Поле 4 нельзя обещать вернуть человека, пока не узнаете, что он держит. И никогда не позволяйте никому считать вас по именам. Поименованного легче списать.

— Тогда как нам друг друга звать?

— Привыкайте к плохим прозвищам.

— Я давно привык, — сказал я. — Меня на работе иногда зовут «разберёмся-потом».

— Хорошо. Значит, к полю подготовлены.

Мы вошли в кабину. Дежурный нажал четвёртую кнопку.

Дверь закрылась, и этажи начали подниматься мимо нас, хотя лифт двигался вниз.

. . .

За решёткой проплывали чужие комнаты.

В первой пожилая женщина в фартуке бесконечно открывала пустой холодильник и говорила: «Я же оставила тебе суп». Во второй мужчина пытался закончить сообщение на телефоне. Палец завис над кнопкой отправки, но экран всякий раз гас. В третьей маленький пёс бросался к двери, за которой никогда не звонили.

Я думал, что после Склада вариантов меня уже трудно удивить. Оказалось, там хранили выборы, которые не состо-

ялись. Здесь хранили чувства, которым не разрешили закончиться. И это было куда неприятнее.

На четвёртом пролёте кабина остановилась сама.

Над дверью загорелось:

«ПОЛЕ 4. НЕЗАКРЫТЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА».

Рада посмотрела на полоску у меня в руке.

— Если нас разлучат, сохрани оттиск. Это единственное, что пока нельзя подменить подписью.

— А если оттиск потеряется?

— Тогда хватай Лику. Она помнит девять попыток.

— А тебя?

Рада улыбнулась без всякого веселья.

— Я старше и бегаю хуже. Редкий случай, когда правила поведения в чрезвычайной ситуации совпадают со здравым смыслом.

Лика раздвинула решётку.

По ту сторону оказался длинный зал без потолка. Вместо него уходило вверх серое небо, расчерченное тонкими линиями, будто огромный лист из школьной тетради. На расстоянии метров ста зал заканчивался белым обрывом. Там не было стен — просто дальше ничего не написали.

Вдоль прохода стояли столы. Тысячи. На каждом — стул, стакан воды, раскрытая карточка и предмет, которого кто-то не выпустил из рук. Ключи, детские варежки, разорванные билеты, медицинские браслеты, фотографии. За некоторыми столами сидели люди. За другими — их тени. Третьи сто-

яли пустые, но стаканы на них были наполовину выпиты.

Над нами висели часы. Они показывали 02:46:59.

Секундная стрелка не двигалась.

— До сверки ещё полдня, — прошептал я.

— Здесь у каждого своё последнее «почти», — ответила Рада. — Не сверяйся с этими часами.

В центре зала стояла стойка регистрации. За ней сидел мальчик лет шести в полосатой футболке и школьной кепке. Ноги не доставали до пола, поэтому он покачивал ими, как ребёнок, которому наскучило ждать родителей.

Перед ним лежали костяшки домино. Он переставлял их в две кучки и считал шёпотом:

— Семь… восемь… девять…

У мальчика были чёрные глаза. Не тёмные. Полностью чёрные, словно кто-то вырезал из лица две круглые дырки и приклеил за ними ночь.

Я остановился.

Федя.

Тот самый мальчик с фотографии в фургоне. Из-за которого Глеб шагнул к Корректору, хотя знал, что нельзя верить чужим голосам.

Мальчик поднял голову.

— Ты опять пришёл, — сказал он.

У меня не хватило смелости спросить «в который раз».

— Мы ищем одного человека, — ответил я.

— Знаю.

Он положил на стол девятую костяшку. Она легла белой стороной вверх. На ней не было точек.

— А ты знаешь, почему взрослые всё время ошибаются? — спросил Федя.

— Предполагаю, что у тебя составлен список на несколько томов.

— Потому что думают, будто я считаю людей.

Я вспомнил сообщение на медной ленте: «ОН СЧИТАЕТ НЕ НАС».

— А что ты считаешь?

Мальчик протянул ладонь и перевернул пустую костяшку.

На другой стороне была нарисована маленькая кроватка. Та самая, что стояла в шкафу с моим несостоявшимся первым вдохом.

— Попытки, — сказал Федя. — Сколько раз вы открываете не ту дверь.

С дальнего конца зала донёсся металлический звон. Все сидевшие за столами люди одновременно опустили глаза.

— Теперь, — прошептал мальчик, — прячь руку.

Я не успел спросить какую. По залу пошла волна света, и на моём запястье сама собой вспыхнула чёрная черта.

«ПРАВО НА ПРАВКУ: 1 ИЗ 7. ОСТАЛОСЬ: 6».

Свет повернулся к нам.

. . .

Сначала я решил, что по залу едет уборочная машина.

Звук был похожий: низкое жужжание, скрежет колёсиков, мерные щелчки. Потом из-за ближайшего ряда столов появилось существо в синей униформе, настолько аккуратной, что казалось неприличным носить её на фоне человеческого несчастья.

У существа не было лица. Вместо него — круглое стекло счётчика с пятью вращающимися колёсиками. В руках оно держало длинную металлическую гребёнку. Там, где зубья касались края стола, лежавший предмет становился плоским, превращаясь в строчку на карточке.

На груди висела табличка: «СБОРЩИК НЕЗАВЕРШЁННОГО».

— Конец смены, — сказал он голосом старого вокзального громкоговорителя. — Невыданные остатки подлежат закрытию.

Мужчина за ближайшим столом прижал к себе детскую варежку.

— Ещё минуту, — попросил он. — Она обещала вернуться.

Сборщик провёл гребёнкой по краю стола. Варежка распалась на чёрные буквы: «ОБЕЩАНИЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО». Мужчина открыл рот, но не издал ни звука. Его силуэт

стал тоньше и растворился в спинке стула.

Я сжал болторез.

— Рада.

— Вижу.

— Можно его остановить?

— Не знаю.

Федя потянул меня за штанину.

— Он идёт за твоей рукой. У тебя есть незакрытая запись, которую нельзя пересчитать.

— Какой рукой?

Мальчик показал на чёрную черту.

Сборщик остановился. На круглом счётчике вместо цифр появилось моё имя.

«ГРАЧ ЯН».

Потом имя размножилось, заняв все пять колёсиков.

— Субъект без первичного основания, — проговорил Сборщик. — Излишек присутствия. Разрешите завершить.

— Не разрешаю, — сказал я.

— Отказ не предусмотрен.

— Значит, нам с вами будет о чём поговорить при увольнении.

Существо подняло гребёнку.

Рада толкнула Лику за стойку. Я бросился в сторону. Металлические зубья ударили по столу, за которым мы стояли секунду назад. Стакан воды превратился в тонкую серую полоску на карточке. Крышка стола исчезла вместе с его нож-

ками. За ней остался белый прямоугольник пола.

— Не дай ему тебя посчитать! — крикнула Рада.

— Спасибо! — ответил я. — А я собирался предъявить паспорт!

Я ударил болторезом по гребёнке. Металл взвизгнул. По рукам прошла тяжёлая вибрация. Губки не сломали зубья, зато оставили на одном чёрную царапину — такую же, как на медной ленте.

Сборщик отшатнулся.

На счётчике одно из имён мигнуло и исчезло.

— Неподтверждённый контакт, — произнёс он. — Требуется повторная регистрация.

— Попробуй поймать, — сказал я и нырнул под соседний стол.

Через два шага я понял, насколько глупой была бравада. Зал оказался устроен так, что расстояния между столами менялись, пока ты на них не смотрел. До прохода, который был в трёх метрах, я бежал уже секунд десять. Сборщик шёл, не торопясь, а его гребёнка скользила вдоль столов, превращая людские последние вещи в текст.

Сверху что-то тихо пискнуло. Перед глазами возник чёрный прямоугольник.

«ОБНАРУЖЕНО УГРОЖАЮЩЕЕ ИСЧЕРПАНИЕ ПРИСУТСТВИЯ».

«НАЙДЕНЫ ОТВЕРГНУТЫЕ ВАРИАНТЫ ПОСЛЕДНИХ 13 СЕКУНД».

«ДОСТУПЕН ЧЕРНОВИК № 2: ВЫ ОТСТУПИЛИ НА ШАГ РАНЬШЕ».

«ВОЗМОЖНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ: ВЫЖИВАНИЕ СУБЪЕКТА».

«ЦЕНА: ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕРВОМ ДНЕ РАБОТЫ С ГЛЕБОМ СУХОВЫМ».

Там, на столе, где исчезала детская варежка, сидела женщина с пустым взглядом. Если я согласился бы на правку, Сборщик повернул бы ко мне чуть позже. Возможно, женщина успела бы остаться хотя бы до конца своей минуты.

Всё выглядело соблазнительно просто. Потратить воспоминание о первом дне работы. В конце концов, Глеб потом ещё двадцать раз учил меня правильно наматывать шланги и семьдесят — не путать болторез с кусачками. Что меняло одно утро?

Я почти произнёс «да».

Потом вспомнил, что Мила просила не спасать её в десятый раз.

Девять попыток. Правка номер ноль. Девять смертей, которых я не помнил. И всякий раз кто-нибудь выбирал за меня, какую часть прошлого можно выбросить как лишнюю.

— Нет, — сказал я.

«ОТКАЗ ПОДТВЕРЖДЁН».

Сборщик уже нависал надо мной. Гребёнка поднялась. Между зубьями бежали чужие имена.

Я не стал убегать дальше. Опустился на колено, сунул бол-

торез между зубьями и резко разжал рукоятки.

Железо ударило по железу. У первого зуба появился зазор. Но главное случилось дальше: по чёрным царапинам на болторезе побежал свет, а на стекле Сборщика на мгновение появилось слово:

«СУХОВ».

Существо замерло.

Откуда-то из глубины зала донёсся хриплый голос:

— Мальчишка. Ты всё ещё держишь его за конец рукоятки.

Глеб.

Я так резко повернул голову, что гребёнка задела мне ухо. По щеке потекла кровь.

За тремя рядами столов стоял мужчина в старой рабочей куртке. Рубец на правой щеке. Седые волосы. Усталые глаза человека, который способен уснуть даже во время собственной свадьбы, если перед этим было два ночных выезда.

Глеб Сухов.

Только его рука, вытянутая в мою сторону, уходила в белое поле стены. Локоть был на месте. Кисть — там, где ещё не нарисовали мир.

— Не разжимай, — сказал он. — Если отпустишь железо, он допишет то, что начал.

И Сборщик снова поднял гребёнку.

Я успел пригнуться. Гребёнка прошла над головой, срезав прядь волос. Они не упали — превратились в короткую

строку на карточке: «ОТКЛОНЕНИЕ ВНЕШНЕГО ВИДА».

— Кому тут делать замечания за стрижку?! — заорал я.

— Без разговоров! — рявкнул Глеб.

От неожиданности я едва не рассмеялся. Вот теперь он точно был настоящим. Даже на краю небытия продолжал руководить аварийными работами с интонацией человека, которому дали в помощь двух идиотов и один просроченный домкрат.

Рада с другой стороны зала опрокинула стакан воды на карточку Сборщика. Странное существо дёрнулось, словно его ошпарили. Чёрные буквы на круглой голове расплылись. Оно повернулось к ней.

— Самовольное исправление учёта, — сообщило оно.

— Это называется влажная уборка, — ответила Рада. — У вас в инструкции такой раздел есть?

Сборщик сделал к ней шаг.

— Только попробуй! — крикнул я.

Существо немедленно повернулось обратно. Мне стало ясно, что оно не просто нападает на ближайшего. Оно идёт туда, где находится открытая запись, и реагирует на каждое произнесённое подтверждение. Имя, обещание, даже приказ — всё, что могло сделать чей-то статус определённым.

— Рада! — крикнул я. — Не говори его имени!

— Ты только что назвал моё!

— Я имею в виду имя человека, которого ищем!

— Так бы и говорил!

Сборщик начал крутить колёсики. На стекле вспыхнуло: «ПОИСК ОТСУТСТВУЮЩЕГО СВИДЕТЕЛЯ».

— Он слышит, что мы пришли за Глебом, — сказала Лика из-за стойки.

— И что? — крикнул я.

— Он пойдёт к тому, кто незаконченный. Не к тебе.

В противоположной части зала Глеб медленно поднял голову. Белое поле уже захватило его кисть до запястья.

Сборщик шагнул сквозь стол, как сквозь мокрый картон.

Я бросился наперерез. Плечо рвануло болью так, что перед глазами потемнело. Болторез не выпускал. В тот момент я любил этот кусок металла сильнее половины знакомых мне людей.

Всё случилось очень быстро.

Рада метнула пустой стакан. Он разбился о счётчик, оставив трещину. Лика выскочила из-за стойки, кинула мне связку белых карточек. Я поймал её на бегу и увидел, что там только строки «ПРИСУТСТВИЕ НЕ ЗАВЕРШЕНО» и пустое место под подпись.

— Зачем?! — заорал я.

— Чтобы было что держать!

Существо уже почти добралось до Глеба. Я сунул карточки под зубья его гребёнки.

Она сомкнулась.

На первой карточке проступило: «ЗАВЕРШЕНО». На второй — то же слово. На третьей. Гребёнка перебирала их

с механической уверенностью, каждую превращая в доказательство отсутствия, которого ещё не было.

А на четвёртой замерла.

Её середина оставалась белой.

Сборщик дёрнул рукой. Потом ещё раз.

На его голове пробежали цифры: 00009, 00009, 00009.

— Тут пусто! — понял я.

Федя стоял рядом, почти касаясь моей куртки.

— Да, — сказал он. — Потому что десятый раз ещё не случился.

Я поднял пустую карточку повыше. Гребёнка потянулась за ней, забыв про Глеба.

— Значит, ты считаешь попытки? — спросил я мальчика.

— Кто-то должен, — ответил он. — Иначе вы называете каждую последней.

— Кто заставил тебя этим заниматься?

Федя не ответил. Его чёрные глаза посмотрели прямо на меня — и я внезапно понял: они были не просто чёрными. Это были чернильные пятна, нанесённые на ту старую фотографию. Даже разводы на краях совпадали.

Мальчик выглядел ровно так, как город мог нарисовать его по единственному снимку, который не удалось полностью стереть.

У меня пересохло во рту.

— Ты не Федя, — сказал я.

Счётчик Сборщика замедлился. Мальчик перестал качать

ногами.

— А ты уверен, что сам Ян? — спросил он.

Вопрос попал точно туда, где у меня ещё оставалась кожа без синяков.

Я не ответил.

Из дальнего ряда донёсся голос Глеба:

— Не разговаривай с ним! Он умеет быть похожим на того, кого ты боишься забыть!

Сборщик снова поднял гребёнку. Я успел сунуть в её зубья болторез, но металл начал выгибаться. По рукояткам пошли белые трещины.

И тут мне пришло в голову, что до сих пор мы пытались бороться не с тем.

Сборщик хотел закрывать записи. А мы удерживали одну открытую — мою. Ту, у которой вообще не было основания.

Я вытащил медный отрицательный оттиск и прижал к его стеклянному счётчику.

На полоске стояло: «НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ИСХОДЕ».

Стекло затрещало. Колёсики заметались между цифрами.

— Завершите, — прохрипело существо.

— Не могу, — сказал я. — У меня незаконченное образование.

На его груди зажглось:

«ОШИБКА СВЕРКИ. СУБЪЕКТ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ НИ ОДНОЙ ПОДТВЕРЖДЁННОЙ ЗАПИСИ».

Гребёнка ослабла.

— Похоже, ты не умеешь вычёркивать то, чего в списке изначально не было, — произнёс я.

— Удаление невозможно, — сказал Сборщик.

— Вот это и предлагаю записать в акт.

Я разжал болторез до упора. Один из металлических зубьев лопнул. Существо отпрянуло. Вместо пяти имён на его голове осталось одно слово:

«ОЖИДАНИЕ».

Оно попятилось между столами, не переставая вертеть колёсиками, будто пыталось добраться до числа, которого не существовало. Потом по всему залу пронёсся резкий сигнал.

«ПРОЦЕДУРА ПРИОСТАНОВЛЕНА. НУЖЕН СТАРШИЙ РЕДАКТОР».

Сборщик исчез за дальним рядом.

Секунду я стоял, не двигаясь. Затем ноги перестали держать, и я сел прямо на пол.

— Поздравляю, — сказала Рада, подбегая. — Ты только что победил канцелярский прибор собственной неправильностью.

— В школе мне обещали, что это ни к чему не приведёт.

Она осмотрела мою щёку, проверила повязку на плече и сердито затянула узел потуже.

— Самооборона без второй правки, — произнесла она. — Не теряй привычку.

Я поднял голову.

Глеб стоял там же. Белое поле не отступило от его руки, но и не продвинулось дальше. Он смотрел на меня.

Мы не виделись всего несколько часов. До этой ночи я думал, что несколько часов — ничто. Не встреча, не разлука. Промежуток между обедом и вечерним телевизором.

Сейчас я хотел сказать так много, что первое слово вышло совершенно глупым:

— Ты котлету доел?

Глеб моргнул.

— Какую?

— Из машины. Ты сидел и ел холодную котлету перед вызовом.

Он помолчал.

— Не успел. Ты притащил нас на восьмой этаж без плана и с видом человека, который наконец нашёл неприятности по специальности.

Я засмеялся. Нехорошо, нервно, почти со слезами. Глеб закрыл глаза, словно ему самому было трудно смотреть на живого человека, который смеётся над настолько неудачной шуткой.

— Дойди сюда, — сказал он.

Я встал. Сделал шаг. Второй.

Между нами возникла тонкая белая линия. На полу появилась надпись:

«КОНТАКТ С УДЕРЖИВАЕМЫМ НЕ ПРЕДУСМОТРЕН».

Я остановился.

— Ну конечно, — пробормотал я. — Про свидание с начальником у них тоже отдельный тариф.

Глеб облокотился о край стола левой рукой. Правую продолжала держать невидимая стена. До белого поля оставалось сантиметров пятнадцать его запястья.

— Молодец, что пришёл, — сказал он. — Теперь слушай внимательно: уходи.

— Нет.

— Это не предложение.

— Уволен. Дальше.

— Я серьёзно, Ян.

— Я тоже. Хотя у меня получается неубедительно, согласен.

Его лицо изменилось. На правой щеке шрам вдруг стал очень заметным. Я всегда видел его рядом с улыбкой или руганью, и потому не замечал, насколько он глубок.

— Я тебя предупреждал про мальчика. Не вслух. Мог сказать прямо, но не сказал. В тот момент, когда Корректор показал Федю, я перестал думать. Вот за это и попал сюда.

— Ты хотел увидеть сына.

— Я хотел, чтобы один раз всё оказалось просто. Чтобы мой мальчик стоял за дверью, а не в голове человека, который каждый день говорит себе «может быть, завтра». И знаешь что самое мерзкое? Я понимал, что это не он. Сразу понимал. У Феди был сколотый передний зуб. Он свистел на

букве «с». А тот голос был гладкий, как рекламный ролик.

Глеб перевёл дыхание.

— Я всё равно пошёл.

— Ты не обязан оправдываться.

— Не перед тобой. Перед собой.

В зале снова раздался далёкий металлический звон. Несколько стаканов на столах покрылись инеем.

— Нам нужно выйти до прихода старшего, — сказала Рада. — Глеб, покажи, что у тебя в карточке.

Он повернул её к нам.

На жёлтом листе значилось:

«СУХОВ ГЛЕБ. СТАТУС: НЕ ЗАВЕРШЁН».

«ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ: ПОПЫТКА УСТАНОВИТЬ ЛИЧНОСТЬ СУХОВА ФЁДОРА».

«ПРЕДМЕТ КОНТАКТА: БОЛТОРЕЗ № 7».

«УДЕРЖИВАЕМЫЙ ФАКТ: СУХОВ ФЁДОР МОЖЕТ БЫТЬ НАЙДЕН».

И внизу:

«ИЗЪЯТИЕ ДЕРЖАТЕЛЯ ПРИВЕДЁТ К ЗАВЕРШЕНИЮ ФАКТА».

Я перечитал последнюю строку. Она была написана так, как пишут инструкции к ловушкам: максимально понятно и ровно настолько поздно, чтобы это уже ничего не меняло.

— Если я тебя вытащу, город признает, что Федю больше нельзя найти?

Глеб кивнул.

— Пока я здесь, оно не может поставить последнюю точку. Потому что я продолжаю искать. Если меня убрать без передачи, в документе напишут: «Поиск завершён. Результат отрицательный».

— Но ведь можно продолжить поиск снаружи.

— В нашем городе сначала закрывают дело, потом делают так, чтобы оно стало правдой. Ты уже видел, как это работает.

Рада провела пальцем по нижнему краю карточки.

— Есть строка «ПРАВОПРЕЕМНИК НЕЗАВЕРШЁННОГО ДЕЙСТВИЯ». Не заполнена.

Глеб сразу покачал головой.

— Даже не думай.

— Почему? — спросил я.

— Потому что туда должен вписаться другой человек. Не свидетель. Не доверенное лицо. Кто-то, кто возьмёт моё незавершённое дело на себя. Пока оно открыто, это поле будет знать его имя. Начнутся проверки, ловушки, подмены. Всё, через что я прошёл за те годы, только быстрее и хуже.

— Значит, всё как обычно, — сказал я.

— Не смей.

Он произнёс это так, что даже Рада замолчала.

— Я твой старший по смене, Ян. Ты ещё пацан. Ты можешь сколько угодно дерзить чудовищам и греметь железками. Но я не позволю тебе расплачиваться своей жизнью за мою ошибку.

Я посмотрел на его руку в белом поле.

— А если я ничего не сделаю, ты останешься здесь. До двух сорока семи. Потом исчезнешь ты, дело закроется, и Федю больше никто не сможет найти. Правильно?

Он молчал.

— Глеб, ты сам меня учил: сначала устраняют угрозу жизни, потом разбираются с актами. Я очень внимательно слушал. Даже когда делал вид, что смотрю в телефон.

— В твоём исполнении это обычно означало, что ты ищешь, где купить болты дешевле.

— И нашёл один раз. Между прочим, экономия составила двести рублей.

— Болты не подошли.

— Детали.

Он тихо хмыкнул, потом снова стал серьёзен.

— Я не хочу, чтобы ты искал мальчика, потому что считаешь себя мне должным.

— А я и не считаю.

Я положил болторез на разделяющую нас линию. Чёрные полосы на губках совпали с царапинами, бегущими по металлу стола.

— Я хочу его найти, потому что он был. И потому что кто-то использует его лицо как приманку. Меня это злит. У меня вообще сегодня большой список причин злиться.

— Ян…

— И ещё потому, что один вредный мужик с рубцом на

щеке однажды не дал мне утонуть в колодце. Не знаю, помнишь ли ты. Мы выезжали на замену насоса, а я решил проверить глубину без страховки.

Глеб закатил глаза.

— Я тебя за воротник вытащил. Тебе тогда было стыдно минут двадцать.

— Двадцать две. Я засекал.

— У меня вся куртка промокла.

— Вот и представь, что я наконец отдаю долг химчистке.

На этот раз он всё-таки улыбнулся. Коротко и очень устало.

Я повернулся к Раде.

— Как оформляется передача?

Она не ответила сразу. Лика смотрела на пустую четвёртую карточку в моей руке. У мальчика за стойкой снова застучали костяшки: девять, девять, девять.

— Нужно доказать, что ты способен нести это незавершённое действие, — произнесла Рада. — Не просто пообещать. Обещания здесь умеют стирать. Нужна вещь, по которой это можно будет проверить и после сверки.

Я поднял болторез.

— Ну наконец-то предмет, который за эту ночь пригодился по назначению.

— Нет, — сказала Лика. — Не так.

Она осторожно подошла к нашей границе и показала на рукоятки.

— Он держит железо оттуда. Ты держишь отсюда. Но если заберёшь его поиск, железо должно помнить уже не одного человека. Двоих.

Рада быстро поняла. Я видел это по тому, как она посмотрела на мои ободранные руки.

— Потребуется твой настоящий след, — сказала она. — Не подпись. Не кровь — её слишком легко подделать. Действие, которого не было у Глеба и которое ещё не было в архиве. Что-то новое.

— Например?

— Помоги ему закончить то, что он не успел сделать. Не закрывая сам поиск.

Я посмотрел на карточку: «ПОПЫТКА УСТАНОВИТЬ ЛИЧНОСТЬ СУХОВА ФЁДОРА».

На столе возле Глеба лежала старая фотография. На ней он стоял с женщиной и мальчиком на летнем пляже. Глаза ребёнка были закрашены. Я видел этот снимок десятки раз.

И только теперь заметил, что на обороте, который приподнялся от сквозняка, проступает часть ещё одной надписи.

— Дай фотографию, — попросил я.

— Она не перейдёт границу.

— Тогда переверни.

Он послушался.

На обратной стороне было написано знакомым корявым почерком:

«ФЕДЯ. ПЯТЬ ЛЕТ. Я САМ НАУЧИЛ ЕГО СВИСТЕТЬ».

Ниже, почти под рамкой снимка, виднелся маленький красный отпечаток пальца.

Глеб долго смотрел на него, не двигаясь.

— Его мама всегда подписывала фотографии, — сказал он. — Чтобы мы потом не спорили, кто где стоит. А это он сам испачкал краской. Мы красили табуретку на балконе.

— И глаза?

— Он не закрашивал их. Это появилось позже. После того, как…

Глеб не договорил.

Мне не требовалось объяснений. Чернила, которыми кто-то скрыл глаза мальчика, были той же породы, что закрывала надписи в реестрах. Город умел забирать лицо, оставляя человеку жизнь на память о том, что лицо когда-то было.

— У тебя есть оригинал снимка? — спросил я.

Глеб покачал головой.

— Все копии испорчены.

— Но маленький красный отпечаток остался. Его никто не исправил. Значит, он сделан настоящим ребёнком, которого город не сумел заменить своей картинкой.

Рада наклонилась к карточке.

— Не личность в целом. Свидетельство его действия. И это лучше. Имя можно заменить, фото подменить. Но отпечаток краски — это след того, что он что-то сделал сам.

— Ребёнок испачкал фотографию, — сказал я. — Чрезвычайно тяжкое преступление против правил хранения. Да-

вайте этим и займёмся.

Я взял чистую карточку, поднёс к фотографии с обратной стороны границы и приложил к ней тонкую медную полоску. Отрицательный оттиск вспыхнул бледным светом, но, в отличие от счётчика Сборщика, не разъел бумагу.

Чернила на фотографии расползлись, обнаружив красный отпечаток целиком.

Глеб осторожно передвинул снимок ближе. Я прижал болторез к линии так, чтобы один конец его рукоятки оставался у меня, а другой — у него.

— Я вижу след, — сказал я. — Реальный след Феди Сухова. И принимаю ответственность за его поиск, не объявляя его найденным или потерянным.

На моей руке открылась тонкая чёрная строка.

«ЗАПРОС НА ПЕРЕДАЧУ НЕЗАВЕРШЁННОГО ДЕЙСТВИЯ».

«ОБЪЕКТ: СУХОВ ФЁДОР».

«ИСТОЧНИК: СУХОВ ГЛЕБ».

«НОВЫЙ ДЕРЖАТЕЛЬ: ГРАЧ ЯН».

«НЕВОЗМОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ СРОК ОКОНЧАНИЯ».

Ниже мигнуло предупреждение:

«ПРАВКА НЕ ТРЕБУЕТСЯ. ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ДОБРОВОЛЬНОЕ».

И вот это почему-то испугало меня сильнее любого предложения потерять воспоминание.

Правку можно было отвергнуть. Из её цены было ясно, что именно ты потеряешь.

Здесь никто не называл цену. Потому что она зависела от того, каким человеком я решу быть дальше.

— Ян, — произнёс Глеб. — Последний шанс передумать.

Я посмотрел ему в глаза.

— У меня на работе есть правило: если напарник провалился в яму, сперва вытаскиваешь его, а потом объясняешь, что предупреждал.

— У нас нет такого правила.

— Значит, наконец-то я написал одно полезное.

Я мысленно подтвердил передачу.

Медная полоска нагрелась. На рукоятке болтореза рядом с выцарапанной буквой «Ф» появилась вторая отметина — глубокая и неровная, похожая на букву «Я».

Белая линия между мной и Глебом погасла.

Он сделал шаг.

Его правая кисть вырвалась из невидимой стены. Я схватил его за руку, и впервые за эту ночь город не вычеркнул того, к кому я прикоснулся.

Глеб оказался тяжелее, чем я помнил. Он едва держался на ногах. Я подставил ему плечо — неудачное, но другого лишнего у меня не было. Мы оба упали бы, если бы Рада не подхватила его с другой стороны.

— Стоит как старый холодильник, — прохрипел я.

— Ты сам похож на сломанную стиральную машину, —

ответил Глеб. — Много шума, а в конце всё равно нужен мастер.

Лика рассмеялась.

На мгновение Поле 4 стало похожим на место, из которого можно выбраться.

А потом у мальчика за стойкой упала десятая костяшка.

Она была чёрной с обеих сторон.

Зал погас.

Не сразу весь. Сперва потухли лампы над столами у дальнего обрыва. Потом следующие. Белая пустота двигалась к нам, забирая один ряд за другим. Столы у края исчезали вместе со стульями. Люди не успевали даже встать. Они просто превращались в короткие пометки, которые тут же стирал невидимый ластик.

В небе возникла огромная строка:

«ПОЛЕ 4 ПРЕВЫСИЛО ДОПУСТИМЫЙ ОБЪЁМ НЕЗАВЕРШЁННЫХ ДЕЙСТВИЙ».

«ПРОИЗВОДИТСЯ ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ СВЁРТКА».

— Они собираются уничтожить весь зал! — выкрикнула Рада.

— Заметил! — ответил я. — Это, вероятно, стандартная процедура при превышении бюджета!

Глеб опёрся на стол. Он был слишком слаб, чтобы бежать, но взгляд у него снова стал прежним: быстрым, цепким, механическим. Он изучал ряды, проходы, опоры. Не чудовищ. Оборудование.

— У лифта должен быть аварийный привод, — сказал он. — Такой же, как у грузовых платформ. Иначе всё это не смогут поднимать наверх.

— «Всё это» — люди, — заметила Рада.

— Именно поэтому я говорю про аварийный привод, а не про выход для персонала.

На стойке регистрации Федя снова переставлял костяшки. Девятая была белой, десятая — чёрной. Он смотрел не на приближающуюся пустоту, а на нас.

— Откуда десятая? — спросил я.

— Вы её привезли, — ответил мальчик.

— Мы никого не убили.

— Я считаю не смерти.

Он коснулся чёрной костяшки.

— Я считаю двери, которые Ян откроет, если ему покажут человека, которого он любит.

Слова легли между нами, как железная балка.

Я вспомнил шкаф с Милой. Её смех за стеклом. Почерк на запотевшей двери. Руку, которая сама тянулась открыть.

— Это ещё не случилось, — сказал я.

— Поэтому костяшка чёрная. Белой она станет, когда ты решишь.

Из пола выдвинулась тонкая металлическая пластина. На ней проступили указатели: «ВЫВОД УДЕРЖИВАЕМЫХ — ПРИЁМНЫЙ КАНАЛ». Стрелка вела под стойку.

Я оглянулся на быстро исчезающие столы.

— А остальные?

Рада проследила за моим взглядом. Я видел, как у неё внутри происходил тот самый расчёт, которому когда-то обучили старшего переписчика: сколько времени есть, сколько людей погибнет, какой протокол можно нарушить без немедленной катастрофы.

— Всех сейчас не вывести, — сказала она. — Но принудительная свёртка должна оставить опись. Иначе ведомство не сможет подтвердить, что именно уничтожило.

— Значит, нам нужна опись.

— Её собирают там.

Она показала на высокую прозрачную трубу над стойкой. Внутри неё вверх и вниз перемещались полосы бумаги. Каждый раз, когда исчезал очередной стол, по трубе пролетал лист, а на нём на секунду становилась видна фамилия.

Тысячи маленьких доказательств того, что в мире были люди, которых мир собирался забыть.

— Опись нельзя унести целиком, — сказала Рада.

— Мы и не будем. Мы сделаем так, чтобы она не досталась только им.

Глеб посмотрел на меня.

— Ты придумал план?

— Не совсем. Но я придумал, какое оборудование сломать.

— Узнаю ученика.

Мы двинулись к стойке. Глеб шёл, почти виснув на мне и

Раде. Лика держала его за свободную руку. Я не знал, откуда в девочке столько сил. Возможно, она просто очень давно носила на себе чужие страхи и привыкла, что остальные вещи легче.

Рядом с трубой стоял старый аппарат, похожий на почтовый перфоратор. Он пропускал через себя карточки и пробивал отверстия в краях. Над ним мигал индикатор: «КОПИЯ ПРИ УТИЛИЗАЦИИ».

— Здесь делают дубликат перед уничтожением, — сказала Рада. — Один остаётся у отдела. Второй должен идти в центральный архив.

— Значит, второй пока наш, — сказал я.

— Он всё равно отправится в архив.

— Если мы не подменим адрес.

Я вытащил из кармана медную ленту Зои Петровны. Та уже хранила фамилию Глеба, номер его выезда и сообщение из Поля 4. Её не удалось стереть в почтамте. Она сохранила след на складе. На неё можно было отпечатать ещё несколько строк, но даже на первый взгляд было ясно: на всех людей места не хватит.

Рада заметила моё колебание.

— Не имена, — сказала она. — Номер реестра. Срез, который доказывает, что опись существовала. Остальное можно будет запросить по этому номеру, если мы заставим их признать сам факт свёртки.

Я кивнул. Впервые за ночь я был благодарен, что она знает

их правила лучше меня.

Глеб сел на край стойки и достал из кармана рабочей куртки старую отвёртку.

— Ты с ней даже в Поле 4? — спросил я.

— Я двадцать три года работаю с авариями. Зачем мне после смерти менять привычки?

— Не говори «после смерти», — тихо сказала Лика.

Он посмотрел на неё. Потом кивнул.

— Ладно, мелкая. После неправильного оформления выезда.

Девочка удовлетворённо вздохнула.

Мы сняли с аппарата кожух. Внутри вращались два барабана, между ними проходила бумага. Один отправлял копию вверх, в архив. Второй пробивал на отходной ленте контрольные номера. Если перепутать направления, аппарат должен был остановиться.

Если же повернуть один барабан в другую сторону, копия пойдёт вниз — прямо в приёмный канал.

— Держи, — сказал Глеб и сунул мне отвёртку.

Мы работали почти без слов. Я поддел защёлку. Рада придержала зубчатую рейку. Глеб, стиснув зубы от боли, вытащил из корпуса тонкий металлический штырь и переставил его в соседнее отверстие.

Из трубы донёсся сухой хлопок. На белой ленте появилось первое имя, затем второе, затем десяток строк, слишком быстрых для глаз.

Внизу загорелось:

«НАПРАВЛЕНИЕ КОПИИ ИЗМЕНЕНО».

«АДРЕСАТ НЕ УСТАНОВЛЕН».

— Куда оно должно печатать? — спросила Рада.

Я посмотрел на старую нашивку на куртке Глеба. «МЫ ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ ВСЁ БЫЛО КАК ПРЕЖДЕ». Впервые эти слова показались мне не девизом, а очень плохим приказом. Мы уже знали, к чему приводит попытка сделать всё как прежде.

— Не в архив, — сказал я. — В службу, которая должна была приехать по вызову. Машина семь. Последний действующий адрес выезда.

Рада быстро набрала на механической клавиатуре номер. «7».

Аппарат щёлкнул. Отходная лента дрогнула. По ней пошли крошечные отверстия, складываясь в непрерывную строку.

«КОПИЯ НАПРАВЛЕНА ПО НЕЗАКРЫТОМУ ВЫЗОВУ № 7».

Глеб посмотрел на меня с тем выражением, которое появлялось у него, когда я делал что-нибудь крайне опасное, но слишком находчивое, чтобы сразу ругать.

— Ты представляешь, куда придёт эта штука?

— Если машина сохранилась, к ней. Если её переписали — к тому, кто последний принимал вызов. Рада, ты же его принимала?

Она кивнула.

— Да. У меня осталась линия диспетчерской.

— Значит, придёт туда. Агата сможет распечатать. Или мы.

У стойки загудел пол. Пустота достигла уже последней трети зала. На карточках, которые нам удалось направить в канал, быстро мелькали имена. Я успел различить фамилию старика из трамвая, которого видел в детстве, и почти поверил, что это случайность. Потом понял, что хранилище просто слишком велико: здесь было достаточно чужих жизней, чтобы однажды наткнуться на любую знакомую.

На мой телефон упало уведомление.

«НЕЗАКОННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВ».

«ОТВЕТСТВЕННЫЙ: ГРАЧ ЯН».

И ниже:

«ПОИСК ДЕРЖАТЕЛЯ НЕЗАВЕРШЁННОГО ДЕЙСТВИЯ ПОДТВЕРЖДЁН».

— Вот теперь, — сказал я, — мы точно на работе.

В этот момент аппарат заклинило. Из трубы посыпались искры. Над нами раздался голос. Не голос Сборщика — мягкий, почти ласковый, мужской и женский одновременно.

— Граждане, ваше вмешательство зарегистрировано. Неправомерно переданная опись будет изъята после закрытия Поля 4. Просим не покидать помещение до прибытия старшего редактора.

— А может, вы к нам? — предложил я. — У нас тут травмы, ребёнок и отсутствие средств пожаротушения. Комиссия будет в восторге.

Невидимый голос не ответил. Вместо этого на полу между нами и лифтом начали появляться белые квадраты.

Они складывались в дорожку. На каждом было написано имя одного из нас.

На первом — «ЛИКА».

На втором — «ЛИС РАДА».

На третьем — «СУХОВ ГЛЕБ».

На четвёртом — «ГРАЧ ЯН».

— Не наступайте на них, — сказала Лика.

Никто не спросил почему.

Мы пошли вдоль столов в обход. Белые квадраты двигались за нами, выстраивая короткий, чрезвычайно вежливый путь к лифту. Я видел, что дорожка уходит прямо через край последнего ряда, где пола уже не было. На один шаг раньше — и мы бы провалились туда, где хранилище уничтожало собственные примечания.

— Там проход был секунду назад, — заметил Глеб.

— В этом городе дорожные работы никогда не заканчиваются, — ответил я.

— Зато теперь я понимаю, почему.

Лика остановилась возле самой стойки. По её лицу я понял, что она увидела что-то нехорошее. Это уже стало надёжным способом оценки ситуации. Если девочка переста-

вала спорить, значит, где-то рядом кончались доступные варианты.

— Ключ, — сказала она.

Я посмотрел на красную нитку.

— Что с ним?

— Он не открывает шкаф. Он выбирает, какой из выходов действительно ведёт завтра.

Только сейчас я заметил, что у лифта появились две одинаковые решётчатые двери. За одной виднелась обычная ржавая кабина. За другой — то же самое. На табло над обеими горело «ВЫХОД».

Рада посмотрела на часы у потолка: всё те же 02:46:59.

— Одна ведёт к следующей сверке, — сказала она. — А другая — наружу.

— Какая нам нужна? — спросил я.

— Для начала не та, где нас уже записали мёртвыми.

Лика осторожно сняла ключ с запястья. Но не повернула его в замке. Просто подняла к свету.

На одной из дверей появилась крошечная семиконечная царапина. Не замочная скважина — знак, который совпадал со знаком на ключе.

— Вот эта, — сказала девочка. — Она ещё не решена.

— Значит, у нас есть выбор, — произнёс Глеб.

— Пока, — ответила Лика.

Мы рванули к решётке. За спиной последние столы стали белыми. Я услышал плач ребёнка, сухой кашель стари-

ка, смех молодой женщины — не одновременно, а так, будто все они прощались по очереди. Не хотелось думать, сколько успело исчезнуть, пока мы бежали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.